

Последняя истина, последняя страсть

Автор:

Татьяна Степанова

Последняя истина, последняя страсть

Татьяна Юрьевна Степанова

По следам громких дел

Большие деньги рожают большие неприятности... На свалке обнаружен труп молодого мужчины в дорогом костюме. Алексей Кабанов, сын прокурора, намерен был построить в городе опасное предприятие – мусороперерабатывающий завод. По злой иронии судьбы, его тело оказалось на свалке как ненужный мусор. К расследованию столь резонансного преступления подключается Екатерина Петровская, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД. Она должна войти в группу, возглавляемую начальником отдела полиции майором Ригелем. Алексея Кабанова многие ненавидели, ведь свалка стала причиной конфликта бизнесменов и местных жителей. И даже после его смерти противостояние разделяет родных, разводит в разные стороны влюбленных, разбивает сердца. В поисках убийцы Катя сорвет множество масок, услышит шокирующие признания, откроет страшные тайны. И все же найдет... последнюю истину.

Татьяна Юрьевна Степанова

Последняя истина, последняя страсть

© Степанова Т. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Моим читателям!

Дорогие друзья! Ко мне поступают вопросы, я читаю многочисленные комментарии касательно возраста Кати Петровской – любимой мной и вами героини моих романов. Некоторые читатели пытаются его вычислить, их отчего-то крайне беспокоит, почему это Катя не стареет, не меняется с возрастом.

Дело в том, дорогие мои друзья, что магия и сила авторского замысла позволяют сделать в книгах то, что в реальной жизни кажется невозможным. Например – подарить любимому герою вечную молодость и способность не меняться с течением времени. Книги – это литература, и там вроде бы все как в жизни, но не совсем. В романах свой собственный счет времени, отличный от нашего с вами.

Катя всегда будет молодой, прекрасной, желанной и любимой. Она НИКОГДА не состарится. Она навсегда останется тридцатипятилетней и будет существовать в этом возрасте и в этом образе и в будущем. Это мое авторское право и желание. Так что вам, дорогие мои читатели, придется это принять как должное.

Я не пишу сериал из жизни Кати. Каждый роман – это самостоятельная история, отдельное расследование. Да, в чем-то они порой связаны – воспоминаниями и общими героями. Но это всегда рассказ о новых событиях, свидетелем и участницей которых становится Катя. В реальности моих романов, в ее собственном мире и время течет по-другому. Воспринимайте каждую встречу с Катей как свидание со старым другом, которого не видели неделю, месяц, полгода. А здесь, в нашем с вами мире, могло пройти уже и пять, и десять лет. Это ли не волшебство литературы? Это ли не исполнение самого заветного нашего желания – не стареть?

Мой новый роман посвящен памяти Вальтера Бухгольца, который присутствовал в моей жизни, а перед вами, дорогие читатели, во многих моих книгах появлялся в образах сразу двух любимых персонажей – Вадима Кравченко «Драгоценного» – мужа Кати и майора Никиты Колосова. Он остается единственным прототипом этих героев. В жизни он был этнический немец,

двухязычный с детства, сначала он служил в правоохранительных органах, а потом стал бодигардом-телохранителем. Он был спутником моей жизни и, возможно, мне удалось в образах Драгоценного и Колосова передать те замечательные качества, которыми он обладал как мужчина, как полицейский, как человек.

На протяжении многих лет я слышу от вас, дорогие мои читатели, просьбы вернуть Драгоценного и Колосова. Я уклонялась от ответов на главные вопросы – отчего они исчезли из романов так внезапно? Почему их сюжетные линии оборвались? Что с ними обоими стало?

Так вот – в этом романе я даю вам полный и честный ответ на этот вопрос. В образах майора Вальтера Ригеля и писательницы Лизы Оболенской выступаем мы с Вальтером Бухгольцем. Я описываю все как есть, все, что произошло между нами.

Я надеюсь, что, прочитав эту книгу, вы поймете, почему же все линии этих героев оборвались. И уже не станете просить меня вернуть Драгоценного и Колосова, прототипом которых являлся Вальтер Бухголец. Поверьте, я бы все на свете отдала, чтобы вернуть их вам. Но я не могу. Есть вещи, которые уже не исправишь – даже в книгах. О них можно только предельно честно рассказать, искупая собственную вину.

Посвящается памяти Вальтера Бухгольца и Диоскуров-близнецов, сыновей генерала К.

«Сатин, приподнимаясь на нарах:

– Кто это бил меня вчера?»

М. Горький «На дне»

«– А что, Алексашка, заведем когда-нибудь у себя такую жизнь?... Парадиз... Вспомню Москву – так бы и сжег ее...

– Хлев, это верно...

– Сидят на старине, жопа сгнила. Отчего сие? Гляди, – звезды здесь ярче нашего...

– А у нас бы, мин херц, кругом бы все тут обгадили...»

А. Толстой «Петр Первый»

Глава 1

Призрак

– Они его все ненавидели. Не только этот город. Но и они все. Я не верю ни единому их слову. Потому что знаю – они все его ненавидели. Я отдаю себе отчет в том, что говорю. И у меня нет иллюзий на их счет. Пусть и у вас не будет.

Заместитель прокурора области Клара Порфирьевна Кабанова сказала это Кате – Екатерине Петровской – криминальному обозревателю Пресс-центра ГУВД Московской области тихо. Чуть ли не интимно. И со странной гримасой на опухшем от слез лице.

Они все присутствовали на месте преступления. На месте убийства. Труп сына прокурора обнаружил утром водитель мусоровоза, поднял тревогу. Они приехали. И вот уже четвертый час находились здесь, пока шел осмотр.

Лил сильный дождь. Катя сначала пыталась спастись от него под зонтом. Но потом махнула рукой – и на зонт, и на дождевик, и на промокшие ноги в кроссовках, что вязли в липкой жиже, непохожей ни на глину, ни на чернозем.

Почва свалки. Гигантского Подмосковного мусорного полигона Красавино, закрытого полгода назад. Мертвая земля. И мертвец.

Слова прокурора Кабановой относились к группе мужчин, стоявших под зонтами поодаль, рядом с экспертами-криминалистами, осматривавшими тело. Из

мужчин лишь один был одет в полицейскую форму – начальник УВД города Староказарменска майор Ригель. Катя его прекрасно знала. Остальные были известны ей лишь по фамилиям. В Староказарменске она планировала познакомиться с ними лично и даже взять у кого-то из них комментарий к происходящему в городе. Но обстоятельства сложились иначе. Едва добравшись по пробкам из Москвы в Староказарменск, Катя в дежурной части узнала об убийстве – весь УВД подняли по тревоге. Она ринулась как криминальный репортер Пресс-службы на мусорный полигон, наткнулась сначала на жесткий отпор патрульных, стоявших в оцеплении: какая пресса, вы с ума сошли? Не понимаете сами, что ли?

Но ее велела пропустить зампрокурора области Кабанова. Хотя она в этот раз и не имела полномочий участвовать в процедуре осмотра, ей сразу же сообщили о случившемся. И она приехала на место убийства.

Не как прокурор. Как мать.

На ее глазах тело ее сына осматривали патологоанатом и эксперты-криминалисты. Переворачивали, фотографировали, обсуждали характер повреждений.

Какая мать это выдержит?

Но Клара Порфирьевна Кабанова не упала в обморок, не забилась в рыданиях, в истерике. Она смотрела на все происходящее очень пристально, внимательно, словно стараясь не упустить ни единой детали, ни одного жеста, взгляда, людей, ее окружавших, – в общем-то своих коллег...

А потом сказала Кате те слова. И Катя впоследствии их неоднократно вспоминала.

– Закрытая черепно-мозговая травма, – констатировал патологоанатом, над которым помощник держал большой черный зонт. Над самим трупом растянули брезент от дождя, прикрепленный к высоким вешкам, но войти под этот хлипкий навес все равно приходилось согнувшись. – Ему нанесли несколько ударов по голове тяжелым предметом. Это не камень. Больше похоже на монтировку, металлический прут. Когда он упал, ему продолжали наносить удары уже по лицу. Все лицо разбито. Клара Порфирьевна... вам лучше на это не

смотреть... Хотя я понимаю... Ему сломали нос. Точнее, там уже просто нет носа. Кровавое...

Патологоанатом не договорил, глядя на зампрокурора Кабанову. Та пристально созерцала тело сына. От группы мужчин под зонтами отделился один – высокий, темноволосый, в строгом черном костюме и белой рубашке, быстро подошел к Кабановой – попытался то ли развернуть ее спиной к труп, то ли вообще увести подальше. Но она резко вырвалась.

– Оставьте. Не трогайте меня. Я в полном порядке.

Мужчина в черном костюме вернулся к патологоанатому и что-то у него спросил негромко. За шумом ливня Катя не расслышала.

– Я затрудняюсь сказать точно, где его убили, следы крови в почве есть, но это ни о чем не говорит, – ответил патологоанатом тихо. – Машине здесь, сами видите, проехать трудно. Хотя внедорожник пройдет. Его машину, как мне сказали, нашли на стоянке. Но ее могли туда пригнать, чтобы создать впечатление, будто он приехал сам. Принести же тело сюда убийце было бы нелегко. В потерпевшем не меньше девяносто пяти килограммов. Тяжелый груз. Хотя если убийц было несколько, то вполне могли убить в другом месте и притащить сюда. И бросить. Здесь, на свалке.

– Как падаль на свалку.

– Что? – это резко спросила прокурор Кабанова.

Ее вопрос относился к человеку под зонтом, произнесшем слово «падаль» – бритоголовому крупному мужчине в дорогом черном плаще от Prada, стоявшему вместе с майором Ригелем и остальными.

– Простите... сорвалось с языка. Я имел в виду, хлам разный на свалках валяется. Хлам сюда свозят и бросают.

Он кивнул через плечо.

Огромный мусорный полигон, на краю которого сейчас стояли они все, словно потерявшись навеки в пелене нескончаемого сентябрьского дождя, отрезанные от мира, освещаемые сполохами полицейских синих мигалок, – полигон доминировал в пространстве и во времени.

До самого горизонта.

Бескрайний.

Мертвый мусорный полигон.

Как пустыня.

Как иная планета, хранящая следы, тени, отбросы сгинувшей цивилизации. Великий Бесконечный Холодный Вонючий Грязный Мусорный Пейзаж на Фоне Дождя.

Эта небольшая площадка, расчищенная тракторами, где под ногами не земля, не глина, а некий вязкий субстант... Жижа.

И горы мусора по краям. И на одной куче под брезентовым навесом экспертов – труп молодого тридцатичетырехлетнего мужчины в дорогом синем костюме, испачканном кровью и грязью. Полного, кудрявого, с модной стрижкой и разбитыми в лепешку затылком и лицом.

– Это что? – спросила вдруг зампрокурора Клара Порфирьевна Кабанова хрипло.

– Где? – Катя поняла, что Кабанова говорит именно с ней.

– Вон там.

Кабанова указала куда-то вдаль.

В этот момент в пелене дождя послышался гул мотора. Где-то за мгlistой дождливой завесой заработал трактор, расчищающий новый участок полигона.

Звук мотора вспугнул птиц. И они взмыли в дожде над свалкой.

Тучи белых пронзительно кричащих птиц, которые кружат над волнами морскими в бескрайней вышине...

Чайки кружили над мусорным полигоном. И не было числа этим жадным галдящим птицам, сорвавшимся с куч мусора, где они рылись в смердящей грязи, выхватывая оттуда лакомые сгнившие куски. Воспарившим, как белые ангелы, в небо – высоко, далеко...

– Это, кажется, пианино. – Катя всмотрелась в тот предмет на куче мусора, на который указывала Кабанова. – Старое пианино.

– Старое пианино, – повторила зампрокурора. – Старое... старое пианино. Мы свое тоже выбросили. Никто из моих сыновей не хотел учиться музыке. А Лесик...

Она всхлипнула. И закрыла рот тыльной стороной ладони. Резкий жест.

Лесик... Алексей Кабанов. Жертва. Катя смотрела в сторону брезентового навеса – вот как, значит, его звали дома. Как звала его мать.

– Я его тяжело рожала. Очень тяжело. Чуть не умерла. Кесарево пришлось делать. Думала, никогда не решусь на второго ребенка. Однако решилась. Екатерина... можно я обопрусь на вас? На ваше плечо?

– Конечно, Клара Порфирьевна. – Катя быстро шагнула к ней, хотела поддержать под руку.

– Я не это имела в виду. Я еще крепко стою на ногах. Значит, старое пианино...

Кабанова смотрела в пелену дождя на музыкальный инструмент, выброшенный на свалку.

– Свидетеля нашли!

Сквозь дождь без зонта к ним бежал по свалке один из оперативников.

- Свидетель Мышкин.

- Князь Мышкин? – это спросил у запыхавшегося опера тот темноволосый мужчина в строгом черном костюме.

- Князь? Какой еще князь? Я говорю – свидетель. Только он непригодный. Неадекватный, – опер, видимо, то ли не понял, то ли полностью не одобрял стеб на месте убийства. – Бомж. Алкаш.

- Но он что-то видел? – уточнил майор Ригель.

- Говорит – видел.

- Давайте его сюда.

Майор Ригель подошел к Кабановой. Но остальные четверо из той компании под своими зонтами так и остались на месте. Оперативники привели свидетеля. Бомж в двух натянутых на куртку дождевиках – желтом и зеленом. В шерстяной замызганной шапке, несмотря на теплый сентябрьский день, в ботах. Лицо в прожилках. Возраст определить трудно.

- Что вы видели? – спросил у него майор Ригель. – Вы ведь что-то видели?

- Я мусор сортировал.

- Ночью?

- А то когда же, днем тут гоняют нас.

- Кто?

- Охрана.

- А ночью охраны нет?

– Она только с мусоровозами приезжает. Ну, эти, нанятые. Против демонстрантов которые. А ночью мусоровозы не ездят.

– Ясно. Значит, вы рылись ночью в мусоре.

– Сортировал. Фонарик у меня.

– Сортировали. Во сколько? – Майор Ригель задавал вопросы со своей чуть медлительной немецкой настойчивостью, столь хорошо знакомой Кате.

– Мне время без разницы. Темно было. Луна... Не люблю я ее. Больная планета. В лунные ночи это бывает. Всегда только в лунные.

– Что бывает?

– Пианино заиграло.

– То старое пианино?

– Чертово пианино. Давно я хотел его разбить. В щепки. Чтобы не соблазняло.

– Чем разбить? Кувалдой? Монтировкой?

– Э, не надо... не надо, начальник. Я его не трогал, этого мужика. – Бомж поднял грязные руки ладонями вверх. – Я его вообще ночью не видел. Потом прибежал на крик, когда водила с мусоровоза паниковал тут.

– Вас никто не обвиняет. Что вы видели ночью? – Майор Ригель задал новый вопрос.

– Пианино заиграло. – Бомж смотрел на Кабанову. – Музыка такая... вроде мрачного па-де-де.

– Знаете, что такое па-де-де?

– Знаю. Я бездомный, но не дурак же. Это мать его? Прокурорша? Сама?

- Это его мать. Так что вы видели?

- Он появился оттуда. - Свидетель махнул рукой куда-то вдаль - неопределенно. - Из тьмы. Шел. Скорее плыл.

- Кто?

- Он разный. Когда Серый. Когда Черный. Смотря какое обличье принимает. Какой плащ выбирает. Но всегда - лунной ночью. По лунной дорожке - словно спускается. Здесь ведь тоже своя лунная дорожка. Не бывали ночью на этой свалке?

- Нет.

- И не нужно. Не приходите сюда ночью. - Бомж ощерил в ухмылке остатки зубов. - А то встретитесь с ним ненароком. И он вам этого не забудет.

- Кто?

- Я же говорю - он разный. Когда Серый, когда Черный. Жуткий...

- Призрак, что ли? - не выдержала Катя.

Было в манере этого бомжа что-то выматывающее нервы. Недоброе. Если не сказать зловещее. Неправильное какое-то. Абсолютно неправильное.

- Дьявол. - Бомж смотрел на зампрокурора Кабанову.

- Ладно, спасибо, можете идти. Вы нам очень помогли, - со своей врожденной немецкой бесстрастностью произнес майор Ригель.

- Дьяволу тут самое место. А вы и не знали, ваша честь? - Полоумный бомж опять обращался к Кабановой.

- Теперь буду знать. - Кабанова закрыла зонт. - А какая была музыка? Это ваше па-де-де?

- Такая. - Бомж махнул рукой.

Кабанова тронула Катю за рукав - идемте со мной, повернулась и зашагала прочь. Обернулась на ходу:

- Мы уедем - раздобудьте бензина. Сожгите пианино.

Майор Ригель, свидетель - они все смотрели ей вслед. Катя старалась не отстать от Кабановой.

Странно, ей казалось, что зампрокурора и этот юродивый прекрасно поняли друг друга. Только они. Словно этот разговор происходил на Луне.

С которой темными ночами спускается дьявол.

Бродит по мусорному полигону.

Играет на старом пианино.

Глава 2

Студент кулинарного техникума

1985 г.

Этот день - среду 13 марта 1985 года - он вспоминал слишком часто. Наверное, потому, что именно тогда понял, в чем его истинное призвание в жизни. Нет, не фигурное катание, которым он грезил, посвятив этому детство и юность. А совсем другое занятие.

13 марта они сдавали первый квалификационный экзамен в кулинарном техникуме. А страна - «Союз нерушимый» - хоронила Черненко. Вся Тула, город, где он родился и вырос, чутко внимала репортажам с Красной площади, включив

радио и телевизоры. Радио работало и в кулинарном техникуме, чтобы студенты и преподаватели-повара тоже были в курсе скорбных событий даже в ходе экзамена. На телевизионных экранах по Красной площади медленно двигался катафалк с гробом Генсека, которого, по слухам, отравили копченой рыбой, присланной в подарок министром Федорчуком, выходцем из КГБ. И копченой рыбы не числилось в программе квалификационного экзамена. Тема экзамена гласила: «Если к вам неожиданно пришли гости».

- Кляпов, о чем мечтаешь? Все уже давно начали. Готовят.

- Я рецепт подбираю.

Он ответил так преподавателю, стоя у разделочного стола, постукивая поварским ножом по доске. Год 1985-й. Если к вам неожиданно нагрянули гости... Чем же их угостить?

«Молочный суп из брюквы. Брюкву отварите. Всыпьте гречневую крупу. Прибавьте мелко нарезанный картофель. Посолите. Добавьте молока и кипятите до полной готовности. На три брюквы надо взять...»

Тошнит...

«Гости на пороге, а мы в тихой панике. В холодильнике, как обычно, скудный набор съестных припасов».

Тогда, в 1985-м, он прочел это в «Тульском рабочем», а потом уже взрослым думал – как это в то время в позднем Совке пропустили в газете такую крамольную фразу о продуктовом дефиците? Или уже тогда время менялось, открывались иные горизонты?

«Очистите две-три картофелины, натрите на терке, выложите на сковородку с подсолнечным маслом, разровняйте. Не ворошите ножом! Когда картофель зажарится с одной стороны, залейте его двумя взбитыми с солью яйцами. Затем переверните подрумяненный деликатес на другую сторону, смажьте толченым чесноком. Яйца по такому случаю можно одолжить у соседей. Подавайте свой картофельный шедевр на блюде, разрезанный наподобие торта. Такая порция вполне насыщает троих».

«В духовку поставьте ваши жухлые нетоварного вида яблоки. Вырежьте середину и заполните ее своим прошлогодним засахаренным вареньем. Это будет изысканный десерт».

Катафалк с гробом Генсека полз по Красной площади. А за катафалком шествовали безутешные соратники. Народ, прильнувший к экранам телевизоров, все искал среди них старика Молотова, которого незадолго до этого Генсек полностью реабилитировал и восстановил в партии. В народе зубоскалили, что таким образом старый Черненко, лежавший пластом «на сохранении» в ЦКБ, выбрал себе девяносто однолетнего преемника, которого сам Сталин... не баран ведь чихнул, ешкин кот!

Рецепт предстояло тоже выбрать – а то экзамен в кулинарном техникуме завалишь. Парни, когда встречали его на улице, ржали, насмехались, пародируя Хазанова: «Я – студент кулинарного техникума». Он не обижался. В общем-то, он никогда ни на кого не обижался. Он терпел.

До шестнадцати лет он занимался фигурным катанием. Мечтал стать олимпийским чемпионом в одиночном. Выкладывался по полной. Естественно, ни о какой кулинарии и не помышлял. В шестнадцать он проходил отбор в молодежную сборную «олимпийского резерва». Отбор – в Москве, он решил умереть, но выдержать тот экзамен.

Охрипшая от ора баба-тренер в парике, в югославской дубленке, накинутой на плечи, подозвала его после того, как он откатал программу.

– Неровно катаешься, Кляпов. Сбои. Прыжок сделал не чисто.

– Можно, я попробую еще раз?

– А что это даст?

– Я могу лучше.

– Слушай, ты часом не еврей?

– Нет.

– Но ты же Фима.

– Я Тимофей.

– Фима-Тимофей? – Баба-тренер хмыкнула, закинула в рот аскорбинку. – Вот так выучишь вас, включишь в резерв, потом в сборную страну представлять, а ты мотанешь в свой Израиль. Сколько случаев было.

– Я русский. Я не еврей.

Советский Союз, зараженный антисемитизмом, как проказой. Это первое, что спрашивали у него в Большом спорте. Он привык. Тогда он даже не находил это унижительным. Считал само собой разумеющимся. Обычным. Мать назвала его Тимофеем. А вот бабка с детства звала Фимой.

На льду в это время каталась очень красивая пара в костюмах Кая и Герды из сказки. Он загляделся на девушку-фигуристку. Герда...

– Если не возьмете в одиночное, я могу выступать в парном. Вот с ней.

– У тебя руки слабые. Не удержишь.

– Я подкачаюсь. Я сильный. Я сейчас вам покажу.

Он заскользил по льду на коньках. Круто развернулся перед тренершей. Затем описал круг по катку, набирая скорость. Четвертной лутц. Он прыгал его лишь дважды. И прыгнет сейчас. Умрет, а прыгнет...

Прыгнул. Тело развернулось в воздухе и...

Со всего размаха он грохнулся на лед. Ударился головой. Разбил затылок.

Не просто сильное сотрясение мозга, а черепно-мозговая травма. Его не взяли в армию из-за нее. Афган великий и ужасный его миновал. Но с мечтами об Олимпиаде пришлось расстаться. Он бросил фигурное катание. И поступил в кулинарный техникум.

Бабка его надоумила. «Ближе к кухне, Фимочка, надо, ближе к дефициту, ближе к жратве. Слушай меня, я плохого не посоветую. Я пятьдесят лет поварихой в столовой горкома отработала. Как бы я троих вырастила, если бы не эта моя работа? Еще до войны... ты почитай, почитай, что мы жрали тогда. Говорят – все война, лишения. А до войны-то что, а? Устроили нам жизнь после революции каторжники, бандиты, совдепы, вожди наши».

Далее бабка-крамольница всегда вспоминала непечатно Усатого, тоже непечатно Калинина, Кагановича и этого самого девяностолетнего Молотова, которого в 1985-м по народным тульским анекдотам престарелый Генсек выбрал себе «в преемники». Ругаясь, бабка доставала замусоленную поваренную книгу издания 1934 года. И зачитывала рецепты оттуда.

«Приготовление гематогенного омлета для супов и запеканок. Гематоген в таблетках растолочь, превратив в порошок. Развести холодной водой, хорошо вымешать, чтобы не было комков, добавить соли по вкусу, выложить на противень, смазанный маслом, и поставить в духовой шкаф или печь – или варить на пару 20 минут. Когда гематоген свернется и получится плотная лепешка в виде омлета, вынуть из печи, нарезать ломтями и положить в суп».

Он, Фима, Тимофей Кляпов, спрашивал бабку – а что такое гематоген? Что за дрянь? И она отвечала – добавка, содержащая железо и витамины. Позже он прочел, что гематоген в тридцатых активно использовали в кулинарии негласно, потому что необходимо было хоть чем-то восполнить дефицит питания, скудный рацион рабочих, крестьян, детей и особенно бойцов Красной армии.

Но на дворе стоял не тридцать четвертый, а восемьдесят пятый. Год развитого социализма, где от каждого по способностям – каждому по труду. И что же изменилось за эти годы?

«Если к вам неожиданно пришли гости, без мяса все равно не обойтись. Так займемся серой вареной колбасой. С помощью мясорубки превратим полкило вареной колбасы в фарш. Добавим два взбитых яйца. Тонко нарежем черствый батон и нанесем массу на ломтики. Сверху смажем майонезом. Разложим на противень и поставим в духовку на 15 минут. Когда бутерброды подрумянятся, можно подавать гостям ваше фирменное мясное блюдо».

И это в Советском Союзе – «могучем, нерушимом», развитом – 1985 года называлось «мясом».

Вареной колбасы в Туле 1985 года тоже особо не водилось. В магазинах продуктовых – майонез, кислый от уксуса провансаль (сейчас пишут «вкус детства»), молоко в худых бумажных пакетах, кефир с зеленой крышкой, хлеб. В овощных грязные овощи, к которым страшно прикоснуться.

А за колбасой ездили в Москву. Знаменитые субботние «колбасные электрички» Тула – Москва. Такие же ходили из Рязани, Ярославля, Иваново и Владимира.

– Кляпов, ты все мечтаешь. Все уже готовят, а ты что?

– Я выбираю вкусный рецепт, придумываю свой, – так он тогда, 13 марта 1985-го, ответил на экзамене повару-преподавателю.

– Свой придумываешь? Ты научись сначала готовить по заданным к изучению рецептам с доступными ингредиентами. Ишь ты, выдумщик. Вот станешь поваром, в Москву уедешь в «Прагу» или «Арагви» – там и придумывай. Может, даже повезет сказочно – возьмут тебя в комбинат питания Кремлевки. Вот там и... хотя там особо придумать тебе ничего не дадут. У них четкие инструкции.

– Я придумал. – Он, Тимофей Кляпов, взял разделочную доску. – Я назову это «Посольский салат». Мой фирменный рецепт. Надо взять три отварные картофелины, две отварные моркови, яблоко, лук, любой, какой есть, сыр, майонез. Все натереть на терке, кроме лука, его ошпарить и порезать кольцами. И уложить все слоями – картошку, морковь, смазать слой майонезом, потом сыр, потом лук, смазать майонезом, затем снова сыр, яблоко, опять сыр и покрыть сверху майонезом.

Он ловко шинковал лук, шпарил его, тер овощи, сыр и укладывал на блюдо в виде торта.

Выложил. Украсил дольками яблок.

Экзаменаторы подошли. Посмотрели. Покачали головами, сняли пробу.

– Хм... вкусно. Торт овощной – закусочный. Зачет.

– Кляпов, а ты далеко пойдешь, – сказал ему после экзамена повар-преподаватель. – У тебя к нашему кулинарному делу и правда талант.

А он в этот миг, глядя на круг своего слоеного «Посольского салата-торта», вспоминал стадион, лед, фигурное катание, свои несбывшиеся мечты, четвертной лутц и... ту фигуристку. Он забыл ее лицо, а вот имя помнил всю жизнь. Герда... Пусть и был то лишь сценический образ для «проката программы».

Спустя много лет, уже перешагнув свой пятидесятилетний рубеж, имея за плечами весьма пеструю жизнь, здесь, в Староказарменске, он внезапно понял, что некоторые вещи в прошлом случаются неспроста.

Глава 3

Мать

«Ну, до нефти и водки нам не дотянуться, просто плохо знаем предмет... Так будем пробавляться тем, что поживе, зато поближе».

«Околоноля» – Натан Дубовицкий (псевдоним Владислава Суркова)

– Поезжайте за мной. Мне надо с вами поговорить.

Зампрокурора области Клара Порфирьевна Кабанова объявила это Кате тоном, не терпящим возражений, на автостоянке у полигона, где Кабанову ждало служебное авто с водителем, а Катю ее маленькая, верная машинка – крохотун «Мерседес-Смарт».

Сели и поехали. У поворота на Люберцы машина прокурора Кабановой внезапно свернула в лес – на просеку, Катя снова старалась не отстать. Сосны, ели,

маленький островок леса среди сплошной застройки. Отъехав от шоссе, машина Кабановой остановилась. Клара Порфирьевна вышла и сразу закурила. Катя тоже выбралась из «Смарта» и подошла к ней.

– Они, конечно, в Староказарменске начнут расследовать убийство моего сына. И скажут мне, что делают все возможное. Но будет ли это правдой или ложью... В любом случае меня такой оборот дела не устраивает. – Клара Порфирьевна Кабанова глубоко затянулась и выдохнула дым из ноздрей. – Я хочу, чтобы вы мне помогли, Екатерина.

– Помогу, чем смогу. – А что еще Катя могла ответить матери, потерявшей сына?

– Я знакома с вашими статьями и репортажами. Вы стараетесь всегда быть объективной и не делите мир на черное и белое. Вы свободны в своих суждениях и выводах. Я – нет. У прокуроров свои жесткие рамки. И я скована. Я не могу сама принимать участие в расследовании. Я даже не имею права сейчас нанять частного детектива. Потому что я официальное лицо, причем заинтересованное. Вы – журналист. У вас есть опыт в расследованиях, пусть и не профессиональный – вы же помогали полковнику Гущину в делах об убийствах, я слышала об этом и читала ваши статьи. Поэтому я обращаюсь к вам как мать – помогите мне.

– В чем, Клара Порфирьевна?

– Найти убийцу Лесика.

– Но я... вряд ли я справлюсь.

– Я не прошу вас совершить чудо или подвиг. Я просто хочу, чтобы вы... как человек объективный, умный и, самое главное, нездешний вникли в ситуацию, которая сложилась в этом городе и привела к убийству моего сына.

– Мой шеф, начальник Пресс-службы, послал меня сюда освещать происходящее как представителя нашей ведомственной полицейской прессы.

– Одно другому не мешает, Екатерина. И вам, и мне нужна информация. Для статьи вашей нет лучшей концовки, чем поимка убийцы. А для меня это... –

Кабанова умолкла и снова глубоко затянулась сигаретой. – Я хочу знать, кто это сделал. Это все, что мне надо от вас. Чтобы вы узнали, докопались. Или как-то получили информацию, когда докопаются эти, здешние. Хотя я в это не верю.

– Почему вы не верите, Клара Порфирьевна?

– Сначала скажите – вы согласны мне помочь?

– Я, как и вы, хочу найти убийцу вашего сына.

– И вы напишете статью – всю правду, без купюр об этом. Я вам разрешу. Они не разрешат, а я разрешу, и вы всегда сможете сослаться на меня как на источник информации.

– Хорошо. Хотя пока до этого далеко.

– Тогда по рукам. – Кабанова выбросила окурочек и тут же вытащила новую сигарету, прикурила.

Катя смотрела на нее – мать, сын которой убит так страшно. Ее лицо, опухшее от слез, сейчас как маска. Но она не плачет. И руки ее не дрожат. И голос ровный. И одежда в полном порядке. Только она вся в черном, в глубоком трауре. Черные брюки, черная кашемировая водолазка, черный плащ, туго стянутый на талии. Темные круги под глазами. Черные, черные глаза, в них сейчас лучше не глядеть. Кабановой пятьдесят девять лет. Она красит волосы в пепельный цвет и занимается фитнесом. У нее, по слухам, личный тренер. Она перфекционистка. В прокуратуре ее за глаза называют Порфирий Петрович.

– Вы сказали, что вашего сына в городе все ненавидели, – осторожно произнесла Катя. – Это как-то связано со стройкой?

– Естественно. Как только он объявил, что его компания собирается строить в Староказарменске мусороперерабатывающий завод, все и началось.

– Весь город против строительства, все жители. Вашему сыну следовало прислушаться к общественному мнению и не идти так грубо и демонстративно напролом...

– Да мы... он слушал! Разве мы не слушали их? Не пытались договориться? Разве он не хотел все как-то сгладить, уладить? Два митинга прошли спокойно – относительно, хотя эти уже горлопанили и писали лозунги. А мы... то есть сын... он пытался объяснить, привлекал специалистов, они выступали перед горожанами – на митингах, на собраниях. Объясняли, что это не завод по сжиганию мусора, а высокотехнологичное современное производство по переработке отходов. Черт, они же сорок лет сидели на этой своей свалке Красавино! Они терпели этот полигон сорок лет! Чего ж тогда-то не выступали, не митинговали? Они начали орать и требовать, лишь когда полигон законсервировали и сын объявил о планах строительства завода. А куда мусор девать из Красавино? А куда его девать из соседней Балашихи, с Кучинского полигона, который воняет на всю область? Где самое место заводу по переработке этого их говна, которое они накопили здесь сами за сорок лет? Это же их мусор, их отходы, их свалка! Где, где строить этот завод? В соседней Балашихе? Там тоже все против. В Люберцах? И там против. В Щелково? Или возить в Серебряные Пруды? Там тоже все начнут митинговать. Возить на север под Архангельск? Там бунтуют, все против. Возить в тундру, на Новую Землю? Так этот мусор станет не золотым тогда – алмазным! И там уже тает вечная мерзлота. Там уже не построишь предприятий. Мы опоздали. Чтобы окончательно не утонуть в собственном дерьме, надо что-то предпринимать уже сейчас – надо делать, строить. Технологичное, экологичное, как он и предлагал! Мой сын! Он был новатор, энтузиаст, он был пионер своего дела!

Начав свой монолог тихо, Кабанова сейчас почти кричала. Но вот она смолкла, взяла себя в руки.

– Противники строительства боятся, что сюда будут свозить мусор со всей области и из Москвы, – возразила тихо Катя. – Что этот завод повлияет на экологию, на здоровье людей, потому что будут выбросы, канцероген. Они боятся, что никто не захочет покупать недвижимость в Староказарменске, рядом с мусорозаводом, что их дома и квартиры обесценятся. Что все, что они имеют, чем владеют, обратится в прах. Что будут болеть их дети. Что уроды будут рождаться.

– Со свалкой-то раньше покупали недвижимость, строили. И детей рожали.

– К свалке все привыкли за сорок лет. Видимо, считали ее частью инфраструктуры. Я говорю это все потому, что страхи, опасения людей абсолютно справедливы. И вы, как прокурор, не можете этого отрицать.

– Они убили моего сына. А вы требуете от меня, чтобы я им сочувствовала?

– Они люди, Клара Порфирьевна.

– Я тоже человек. И мой сын Лесик был человек. И он не хотел зла этому городу. Он желал...

– Сделать на строительстве и производстве большие деньги. Капитал.

– Деньги... Конечно, раз вы согласились вникать во все это в моих интересах, речь рано или поздно должна была о них зайти. – Кабанова кивнула. – Деньги... средства... Откуда у моего сына такие средства. Вот о чем орали, писали и болтали все эти последние два месяца. Вы, наверное, сами читали и слышали.

– Я хочу услышать от вас, раз я буду работать на вас в этом деле.

– Когда с моим первым мужем – отцом моих детей произошел трагический несчастный случай, я осталась одна с малолетками на руках. Я работала в районной прокуратуре помощником прокурора, жили мы в Люберцах. Муж мой был дантистом, очень хорошим мастером, он изготавливал зубные коронки. Мой второй муж как раз был его пациентом. Он приехал в зубную клинику, узнал, что доктор Кабанов умер и... пришел на его похороны. Там мы познакомились. Он тоже был врач, очень известный уже тогда. Офтальмолог. Старше меня на двадцать лет. Вдовец. И я вдова с маленькими детьми. Он взял меня с детьми замуж. Он усыновил моих детей, воспитал их, был им настоящим отцом. Он их любил. И он очень любил меня. И я его любила. Он построил свою офтальмологическую клинику, которую знают все, у кого проблемы со зрением. Он сам делал операции. У него были золотые руки. Клиника приносила немалый доход. Он работал всю свою жизнь, зарабатывал деньги. Вкладывал их с умом, получал прибыль. Он умер от рака три года назад. И весь капитал завещал моим сыновьям. Вот откуда у нашей семьи такие большие деньги. Мой младший сын Петя не интересуется бизнесом. И он молод еще. А Лесик был прирожденный коммерсант. Клиника приносит доход до сих пор. Но он бизнесмен, его влекли новые горизонты, новые вложения. И я его только поощряла.

Кабанова снова закурила.

– Да, я гордилась, что мой сын богат и независим. А то послушаешь нынешних диванных крикунов, что пишут гадости в интернете, так у нас, у сотрудников правоохранительных органов, вообще вроде как ничего не должно быть. Чтобы мы были все сплошь нищевроды. И чтобы родственники наши тоже были босые и голодные, и дети сопливые голупузые... Вот тогда, может быть, на нас эти комментаторы в соцсетях глянут благосклонно, и то вряд ли. Чего только про нас не писали – откуда деньги, Клара? Лесик – мажор. Бизнес-прокурорша – это про меня... И коллеги мои в прокуратуре, думаете, не знаю, что говорят за моей спиной? Осуждают. А за что? За то, что я удачно вышла замуж, будучи вдовой с детьми? Что мой муж был знаменитый врач и богатый человек? Что он не пропил свои деньги, а передал их детям, и сын захотел приумножить свое наследство? За это нас так ненавидят все? Почему у нас так ненавидят людей, которые хоть что-то делают полезное? Двигают прогресс?

– Клара Порфирьевна, этот вопрос мне ясен. Спасибо, что сказали. Но там, на месте убийства, вы ведь не только горожан и активистов-экологов имели в виду, но и...

– Коллег? И тех, кто явился сюда якобы помогать моему сыну? Они его тоже ненавидели. Я это знаю.

– Но Клара Порфирьевна...

– Митинги мирные закончились беспорядками и столкновениями с полицией. Задержаниями. Вам это известно. Потом разгромили этот их палаточный лагерь у полигона, арестовали тех, кто там был. Местные сотрудники полиции оказались в ситуации, когда... их винили, их ненавидели. А они... в свою очередь, обвинили и возненавидели моего сына – якобы за то, что он все здесь в городе замутил и разрушил их привычную жизнь. Этот начальник здешнего УВД майор... немец...

– Вальтер Ригель?

– Вам он хорошо знаком, кажется. – Кабанова смотрела на Катю в упор. – Так вот. Он назвал моего сына «жабой». И хотел его ударить по лицу. Его удержали. Это связано с тем происшествием на свадьбе, когда от майора сбежала его невеста.

Кабанова снова выпустила дым из ноздрей, как дракон.

– Он бросился на Лесика с кулаками. А сейчас он во главе следственно-оперативной группы по раскрытию убийства моего сына. И с Кляповым, пиарщиком, тоже какая-то мутная история была. Вам предстоит докопаться. И с его помощником Аристархом Бояриновым тоже что-то темное на уровне слухов. И со вторым помощником, который Эпштейн, он вообще скользкий тип. Но самый худший из них – этот из 66-го отдела. Борщов. Вы им не верьте, Катя. Что бы они вам ни говорили. Не верьте ни единому слову. Они – лгуны. Хотя вроде как они и на нашей, на моей стороне, сейчас. Делают вид, что расследуют, хотят помочь. Но они все ненавидели моего Лесика. Он мне сам говорил об этом. Он был умный мальчик. Чуткий. Он получал угрозы.

– Неужели от них? Своих коллег?

– Нет. Хотя... это же были анонимные угрозы. Угрожали экологи-активисты. Разбить ему голову и лицо могли и они тоже. И какой-то ненормальный осатаневший горожанин. Так что много подозреваемых. Но вы должны отыскать мне настоящего убийцу. Понимаете?

– А если это задание мне не по силам?

– А мне больше не на кого опереться здесь. – Вся суровость в голосе Кабановой пропала, в голосе слышались слезы, она почти умоляла. – Я совсем одна... мой сын, младший, он такой мягкотелый. Он не сможет отомстить за брата. А жена моего сына... Ульяна, она... никогда его не любила. Возможно, она даже рада сейчас, что стала богатой вдовой. Помогите мне! Пожалуйста... я вас прошу как женщина – женщину... Я прошу вас... я очень прошу!

– Я постараюсь, Клара Порфирьевна. Сделаю, что смогу. Я останусь здесь, в Староказарменске. Попрошу у шефа Пресс-центра официальную командировку. Он не откажет.

– И вы будете держать меня в курсе всего?

– Да, конечно. Напоследок я хочу спросить вас – когда вы сами видели в последний раз сына? Чем он был занят? Может быть, приезжал к вам, звонил?

– Он позвонил мне примерно в семь вечера вчера. – Кабанова умолкла, затем собралась с духом. – Сказал, что у него все хорошо, он встречается с Ульяной в ресторане – там, возле Малаховки, где он себе дом построил, есть загородный ресторан.

– Они с женой вечером отправились в ресторан? – уточнила Катя.

– Они там встретились. Дело в том, что они до этого крупно поссорились. И Ульяна уехала из дома. Это случилось примерно за неделю до... смерти Лесика. А вчера вечером они договорились встретиться – вроде как... не знаю, сын уклонился от моих вопросов. То ли они решили помириться, то ли обговорить условия развода. Лесик со мной не делился. Относился к этому болезненно. Он обожал жену, а она... она такая стерва, Катя. Вы и ей не верьте. Прекрасная хищница. Она вышла за него только ради денег. Я знаю, что они встретились в ресторане вчера вечером. И туда заявился мой сын.

– Ваш младший сын?

– Петя. Он мне сам сообщил сегодня, когда стало известно об убийстве. Только не сказал, что он там забыл в ресторане, где третий лишний.

– Как называется ресторан?

– «Сказка». В Малаховке еще с позапрошлого века была известная дача «Сказка», ее сломали. А ресторан решил сохранить историческое название. Это недалеко от синагоги. Вы найдете.

Глава 4

Сказка

Расставшись с Кларой Порфирьевной Кабановой, Катя решила ехать не в Староказарменский УВД, а сначала в эту самую «Сказку». В глубине души она никак не могла определиться – правильно ли сделала, приняв предложение Кабановой. Восемьдесят процентов за то, что это неверное, спонтанное,

необдуманное решение. И она с этим делом еще хлебнет. Но потом перед ней возникало лицо Кабановой – измученное, искаженное гримасой страдания и боли, лицо матери... Появлялось острое чувство жалости к ней. И сомнения таяли.

Ладно. Посмотрим, что из всего этого выйдет.

Катя мало верила в то, что она сама сможет отыскать убийцу. Она начинала это дело без веры в себя, без своего обычного репортерского азарта. Она, наверное, просто не смогла ответить «нет», когда мать, потерявшая сына, умоляла ее о помощи. За последнюю соломинку хваталась... Катя так себя и ощущала в этом деле – соломинкой. И репортажа из этой истории тоже не выйдет.

«Сразу за синагогой» – это определение оказалось довольно растяжимым, туманным и неточным. Ресторан «Сказка» располагался рядом с банкетно-банным комплексом «Малаховский очаг» почти на самой трассе – на Быковском шоссе. Катя прикинула расстояние от шоссе до полигона – десять километров.

Внутри «Сказка» поражала помпезным и нелепым убранством – лепнина и позолота, бархатные шторы, банкетные залы на сотню гостей. В одном из таких залов она поймала метрдотеля и, показав удостоверение, сообщила, что хотела бы опросить официантов, работавших вчера вечером.

– Хлопова? – уточнил метрдотель. – К нему утром уже полицейские приезжали. Допрашивали. А вы...

– Я по поручению прокурора. – Катя оглядывала пустой зал.

В дальнем конце – алый балдахин. Под ним стол как на пирах. И два самых настоящих позолоченных трона. Прямо царское место.

– Это для жениха и невесты, – пояснил метрдотель. – Чтобы было парадно. А Хлопов вчера работал в каминном зале. Там приватная атмосфера. – Он указал на дверь и повел туда Катю.

Официант Хлопов хлопотал в каминном зале один, стелил чистые крахмальные скатерти на столы.

– Прямо к открытию сегодня полиция приехала, когда мы приходим на работу и кухня открывается, а для посетителей еще закрыто, – объявил он Кате недовольно. – Я все рассказал, что видел.

– Меня интересует супружеская пара, которая встретилась здесь вчера вечером и...

– Этот тип, строитель заводов, владелец отелей, газет, пароходов, его у нас по кабельному часто раньше показывали, – произнес официант. – Он из Малаховки сам, купил дачу бывшую то ли Глиэра композитора, то ли еврейской детской коммуны – в общем, памятник истории и оставил от него только фасад, такой особняк отгрохал за забором. Если мусорный завод свой воздвиг бы, вообще, наверное, все скупил бы на корню.

– Его убили, – сказала Катя. – Поэтому я хочу расспросить вас – что произошло вчера в ресторане? Так что вы видели?

– Он приехал вечером, в половине восьмого. Занял тот столик. – Официант кивнул на стол у камина. – Сел к огню спиной. Он и раньше этот стол всегда выбирал.

– Он приехал один?

– Один.

– И что было дальше?

– Сделал мне заказ.

– Он пил вчера?

– Чай имбирный с мятой. Он же за рулем. Заказ сделал хороший. Он и до этого всегда ел много, вкусно и сытно. Заказал стейк – сразу на триста грамм, такой кусок мяса солидный, средняя прожарка и острые закуски.

– Он кого-то ждал?

- Сидел, ел. Потом появилась она.

- Кто?

- Я так думаю, что его жена. Красивая, молодая. Брюнетка в красном.

- Вы их раньше здесь вместе видели?

- Нет.

- А почему решили, что она его жена?

- С любовницей так себя не ведут. Он сидел и ел. Глянул на нее. И опять за стейк. Ей даже сесть не предложил, не поднялся навстречу. Она сама села напротив и закурила сигарету, хотя у нас здесь не курят.

- И что потом?

- Они о чем-то начали говорить. Точнее, она ему выговаривала. А он смотрел на нее так... В общем, смотрел, жевал. Затем у них градус начал повышаться.

- Они ссорились?

- Они говорили все тише и тише. И я не слышал, о чем. Но по их лицам - да, можно было понять, что не мирная у них беседа. И гроза. И вдруг в зал этот вошел.

- Кто?

- Я так понял - брат его младший. Они очень похожи. Может, потому что оба кудрявые, как купидоны. И потом, я уже видел его раньше здесь. Он приезжал в бар. Когда на машине, а когда просто на велосипеде. Они встречались.

- Братья? Алексей Кабанов и его брат Петр?

- Младший и эта дамочка... ну, супруга покойного. Я так полагаю, что они и вчера приехали сюда вдвоем, вместе.

- Почему вы так решили? - спросила Катя.

- Вместе уехали, на одной машине, я в окно видел - уже потом, после всего. Значит, и приехали вместе. Только он ей время дал с мужем объясниться, а потом уже к их столу подошел сам.

Тон какой у этого официанта сейчас... многозначительный. Что он хочет всем этим сказать?

- Поясните свою мысль, пожалуйста.

- Ну, я бы на месте покойника за женой лучше следил. Это как в Библии сказано - не возжелай жены ближнего своего.

- Вам показалось, что брат Алексея Кабанова и его жена...

- Я им свечку не держал, но... То, что она небезразлична ему, и ежу ясно было. Достаточно на его лицо глянуть. Такой взволнованный парень. Он брату старшему что-то сказал. А тот с такой ухмылочкой на него уставился. Отложил приборы, губы промокнул салфеткой. И что-то ей, жене, начал говорить, кивнув на него. Я в дверях с подносом замешкался - только увидел, как она встала из-за стола. А этот младший кудрявый... он на него бросился и ударил его.

- Петр Кабанов ударил брата? - Катя слушала очень внимательно. - Куда ударил?

- По лицу.

- Разбил ему лицо, нос?

- Пощечину дал. Нет, нос это братец ему разбил - уже чуть погодя.

- Значит, они подрались?

– Младший дал старшему пощечину. А тот засмеялся так зло и снова тихо что-то стал говорить жене. И его брат снова на него бросился. И тогда он его ударил – кулаком прямо в лицо. Это он ему нос разбил. Кровь ручьем... Дамочка закричала. Младший спиной об стол шмяк и на пол грохнулся. Два прибора разбил обеденных. Кровь у него из носа хлещет. Она, дамочка-то, к нему кинулась. Подняла его. И повела прочь из зала. А старший Кабанов остался. Мне сказал: «Прошу прощения за скандал. Он пьяный в стельку, разве вы не видели?» Я ничего такого за его младшим братом не заметил. Он сказал – я все оплачу, всю разбитую посуду. Я осколки начал собирать. Хорошо, в зале других посетителей не было – у нас не сезон, лето закончилось.

– И что дальше?

– Он сидел и ел свой стейк. Я в окно увидел, как эти двое на стоянке в машину сели. Она, дамочка, его чуть не силой в машину затолкала, платок ему все к носу прикладывала.

– Они уехали вдвоем. А Кабанов остался в ресторане?

– Да. Десерт заказал. Наш фирменный, «Сказочный торт». Кофе эспрессо.

– Когда он покинул ресторан? Во сколько?

– В начале десятого. Я на часы не смотрел. Чаевые мне оставил хорошие. И снова за скандал извинился. Вежливый. И не скажешь, что брата так жестоко избил.

– Но брат его ведь первый начал драку.

– Да, конечно. Видно, не стерпел, когда его мордой об стол при ней... на ее глазах... в общем, оскорбили его.

Катя поблагодарила официанта.

И пока никаких выводов из услышанного решила не делать.

Иначе... сам собой ведь напрашивался очень простой вывод. И не надо ходить куда-то далеко, чтобы найти убийцу.

Глава 5

Муж и жена

Когда Катя вернулась в город и подъехала к отделу полиции, на Староказарменск плотным строем ползли дождевые тучи, сгущая вечерние сумерки. Улицы выглядели на удивление тихими и безлюдными, хотя время приближалось только к шести часам. Город словно замер в ожидании чего-то. Или помнил некие события и не мог их простить.

События...

Их случилось немало в Староказарменске.

Стало ли их кульминацией убийство?

Или это было лишь начало?

С этим предстояло разобраться, но Катя еще никогда не была так не уверена в себе. Так одинока.

Можно просто уехать, позвонить Кабановой, отказаться.

Катя вышла из машины. На стоянке отдела полиции напротив входа молодой парень, пикетчик с самодельным плакатом. На картонке написано черным фломастером аршинными буквами:

СОРОК БОЧЕК АРЕСТАНТОВ, Я ТЕБЯ НЕ БОЮСЬ!

У входа в отдел полиции майор Вальтер Ригель, которого все друзья называли Вилли. С некоторых пор его в родном Староказарменске почти все – и за глаза, а

вот теперь и в глаза, судя по плакату, – именуют Сорок Бочек Арестантов.

Обычно аккуратный и слегка даже чопорный Вилли сейчас был без форменного кителя, в одной полицейской рубашке с засученными рукавами, с расстегнутым воротом, съехавшим на бок форменным галстуком и в легком бронежилете. Смотрел на плакат, которым перед ним потрясал юный горожанин – лет семнадцати, не более.

Тридцатичетырехлетнего майора Ригеля – Вилли – Катя знала бог знает сколько времени. Родившись в Староказарменске, он большую часть своей жизни проработал в ГУВД. И в Главке был знаменитой личностью – самым лихим и безбашенным гонщиком на всех полицейских ралли. Гонял и на патрульных машинах, и на полицейских мотоциклах, и даже на катере речной полиции. Он становился маньяком скорости, едва садился за руль. «Наш Шумахер!» – говорили о нем в Главке. Бесстрашный, отважный, велкодушный Вилли Ригель. Катя сама знала о нем немало историй – про ралли и его победы она часто писала восторженные репортажи. Знала, что он преданный друг, из тех, кого разбуди ночью звонком из Владивостока, так он прилетит или пешком придет, если нет билетов на самолет. Как-то он отдал все деньги, скопленные на новый мотоцикл, на похороны застрелившегося из табельного сотрудника, у которого и родни не оказалось, и Главк отказался хоронить за свой счет – не сметь поощрять самоубийц! Вилли – Вальтер Ригель – его сам похоронил. Катя написала об этом статью – шеф Пресс-службы лишь руками замахал: что ты, что ты, сор из избы... На суициды полицейских начальство, чтоб его, реагирует болезненно – гневно... Нет, не станем публиковать, хотя майор этот – молодец, золотое сердце.

И вот «золотое сердце» теперь иначе как Сорок Бочек Арестантов в городе не зовут.

Из дверей отдела полиции выскочил, как черт из табакерки, некто импозантный, суетливый, с родинкой на румяной щечке, верткий и прыткий, в элегантном синем костюме. Катя знала его лишь по имени – Михаил Эпштейн. Не полицейский, а кто – непонятно пока.

– Пикет. Надпись. – Он кивнул на юнца с плакатом. – Оскорбление при исполнении налицо, Вальтер Оттович...

- Пикет разрешенный.

- Кем?

- Слушай, уйди ты отсюда, а?

Голос у майора Ригеля хриплый. Эпштейн пожал плечами, усмехнулся. И исчез за дверью.

Майор Ригель увидел Катю, спустился по ступенькам, обошел пикетчика с плакатом – тот повернулся к нему, плакат чуть ли не в лицо сунул – читай!

У майора Ригеля – Вилли – рост и стать, видный парень, крупных габаритов, длинноногий, спортивный. Атлет. Серые глаза – самые прекрасные на свете – возможно, для кого-то были. Он как две капли воды похож на молодого кайзера Вильгельма, только без нелепых пышных усов. Вилли Ригель всегда гладко выбрит. На его столе в кабинете есть фотография того самого молодого кайзера Вильгельма, и усы на ней замазаны алым фломастером, словно румянец на щеках. А на черном прусском императорском мундире нарисовано слева пылающее сердце, полное любви. Это работа Лизы Оболенской – Лизбет, как зовет ее майор, его обожаемой невесты. Писательницы.

Его бывшей невесты...

Такая печальная любовная история...

Катя в курсе этой драмы. Но о ней чуть позже. А пока...

- Откуда – куда? – спросил ее майор Ригель.

- Вилли, я остаюсь у вас в городе. Меня Кабанова попросила пока не уезжать. Я командировку себе выбью у шефа. Вы не против?

- Лично я не против.

«А Кабанова велела и ему не доверять. Что там за история, когда он бросился на Лесика Кабанова с кулаками? Поверить невозможно». – Катя глянула на майора

Ригеля, на пикетчика с плакатом.

– А вы куда, Вилли?

– Я хочу побеседовать с его прислугой. Некая Тамара Шахова, работала у него дома в Малаховке, недавно уволилась по неизвестной причине. Сейчас продавщица в булочной на Первомайской. Мы ее отыскали. А вы ведь ездили в «Сказку», Катя?

– Да. – Что толку лукавить, Вилли парень умный.

– Начало многообещающее, правда? И что, интересно, скажет нам их домработница?

– Можно, я с вами к ней?

Майор Ригель открыл дверь патрульной машины. Катя села. Юный пикетчик с плакатом подошел к самой машине со стороны водителя.

Я Тебя Не Боюсь! Золотое сердце... Жених-неудачник... Гонщик хренов... Сорок Бочек Арестантов... Я тебя не боюсь!

Тамара Шахова – бывшая домработница Алексея Кабанова, а ныне продавщица булочной, завидев крутого полицейского в бронежилете, изменилась в лице.

– Я в протестах не участвую, – с ходу объявила она. – Вы чего это ко мне, а? Вам что надо? Да я ни на одном митинге не была!

– Мы по поводу вашего бывшего работодателя Алексея Кабанова. Хотим поговорить, – сказал майор Ригель. – Вас может кто-то подменить у прилавка? Выйдем на улицу.

– Лучше здесь, я магазин на десять минут закрою. – Бывшая домработница и правда закрыла булочную. – Не хочу я с вами – полицейским – на глазах города разговаривать. Потому что... ну, просто не желаю.

– Сколько вы у них проработали в Малаховке? – спросил Вилли Ригель бесстрастно.

– Два года. Как он женился и особняк этот перестроил. Я прежде у адвоката работала двадцать лет. И не было женщины счастливее меня. Всех его жен пересидела, и ухаживала бы за ним до смерти, потому что человек был прекрасный. Но его родня увезла в Иерусалим, когда его парализовало. Разлучили нас. – Пятидесятилетняя домработница вздохнула так, что ее полные груди, похожие на арбузы, затрепетали. – А эти молодые... молодожены. Я к ним пришла работать сразу, как они с медового месяца вернулись. С райских островов. Думала, ничего, а оказалось – такой мрак.

– Что вы имеете в виду под словом «мрак»? – уточнила Катя.

– Жуть. – Домработница снова вздохнула. – Я их увидела впервые – Лесика этого – так его жена звала, и ее, Ульяну. Подумала, ну, попал парень! И косточек от него не оставит эта пантера. Так и будет подкаблучником всю жизнь. Она-то нравилась ему сильно, видно это было. Кайфовал он, был на седьмом небе. Такую красотку получил в жены. А она... так с иронией к нему, холодно, снисходила, в общем. Видно было, что вышла за него только из-за денег. Сразу претензии ему начала предъявлять – сбавляй вес. Ты такой тюлень, худей... Потом потреплет его по кудряшкам – ах ты мой славненький, мое золотко... Только золотку-то палец в рот не клади, оказалось. Терпел он ее снисхождение и насмешки где-то месяца четыре. Затем начал огрызаться, а потом и сам в наступление на нее пошел.

– То есть? – спросил майор Ригель.

– Ну, например, сидят они за завтраком в воскресенье. Я подаю им. Она ему что-то там капризно начинает выговаривать – чем-то недовольна. А он ей – крем смени, дорогуша. Она ему – что? А он ей – крем смени свой, а то в постели сегодня трогал тебя, жопа шершавая стала. Вы представляете? Такое сказать при мне, чужом человеку, молодой жене! У нее глаза на лоб. Не ожидала от него. Покраснела вся. Но собралась и в ответ ему тоже что-то гадкое. А он ей еще гаже. Про целлюлит. Про грудь отвислую. Мол, когда на пластику запишешься – я тебе денег дам, дорогуша. Она стол перевернула тогда на веранде. Всю посуду в дребезги. А он на нее с ухмылочкой такой. Словно рад, что довел ее наконец. По нему ведь и не скажешь – вроде такой из себя радушный, улыбчивый, вежливый. Когда хочет – прямо очаровашка. Только все

это обман. Личина. Он человек жесткий очень. Порой безжалостный. Даже с ней. А у него ведь к ней чувства, как ни крути. Я видела, от меня не скроешь. Но и ее он унижал. Удовольствие от этого получал, когда бил в самое больное ее место.

- Он ее бил? - снова уточнила Катя.

- Первый год не трогал. А на второй... Я однажды пришла после отпуска - неделю отсутствовала. Она в ванной. Вышла, махровый халат на груди у нее разошелся. А грудь вся в синяках. Она сразу запахнулась. Не хотела, чтобы я видела. Потом снова - я пришла к ним после выходных, а у нее ссадина на виске, она ее тоналкой у зеркала мажет, маскирует. В висок ее шарахнул, представляете? Так и убить ведь можно. Но все это без меня. Он умный. Если и бил ее, то без свидетелей. Я ее спрашиваю - Ульяна, как же это? Она мне - Тамара, молчите, не ваше дело. Потом до меня дошло, с чего этот весь сыр-бор с битьем начался.

- С чего? - спросил майор Ригель.

- Любовник у нее появился.

- Любовник? Кто? Когда?

- Кто - не знаю. - Домработница не смотрела на них. - А когда началось все у нас в городе с этим мусорным полигоном, со стройкой. Она, может, думала, что он занят, не до нее ему. И начала роман за его спиной крутить. А он узнал. Разъярился.

- Они хотели развестись?

- Насчет этого не знаю. Он ей как-то сказал при мне - от меня не так просто избавиться, дорогуша. А она ведь приехала в Москву откуда-то с юга. То ли из Краснодара, то ли из Сочи. Здесь у нее в наших местах никого. Туда возвращаться не солоно хлебавши? Денег-то он бы ей никогда не дал при разводе.

- Почему вы ушли от них? - спросила Катя.

- Я не уходила. Это он меня уволил.

- По какой причине?

- Без причины. Я утром прихожу, дверь открываю, а он дома. «Тамара, вы уволены, мы в вас больше не нуждаемся. Вот деньги за начало месяца». И пинком меня буквально. Решил, наверное, что я потворствую ей в шашнях с любовником? Так я ничего такого не делала. Правда, сочувствовала ей, когда он бил ее. Может, ему это неприятно было? А по какой причине все эти расспросы ваши?

- Алексей Кабанов убит, - ответил майор Ригель. - Это часом не вы его?

- Да вы что! - воскликнула домработница. - А как убили-то? Где? Дома?

- Мы разбираемся. - Ригель изучал ее. - Если вы что-то знаете, Тамара...

- Я ничего не знаю!

- По-вашему, жена могла убить его? - спросила Катя.

- Нет. Но...

- Что?

- Если бы мне кто-то сказал сразу после свадьбы про мою «шершавую жопу», я бы прямо там за столом вазой его по башке!

- А любовник мог?

Домработница пожала плечами.

- А брат его младший Петр, он бывал у них? - осторожно спросила Катя.

- Петя? Так они же ненавидели друг друга.

– Ненавидели? За что?

– Не знаю. Лесик-то брата просто презирал, в грош не ставил. А тот молодой, с нервами не справлялся.

– Так он же не бывал у них дома, как вы сказали, или бывал? – не отступала Катя. – Откуда вам все это известно?

– Он бывал, когда старшего дома нет. Заезжал, но это всего раза три было.

– Заезжал к кому? Может, к матери, когда она гостила?

– Мать в их дом в Малаховке не заглядывала, она Ульяну терпеть не могла, – ответила домработница. – А Петя приезжал к Ульяне.

– Так что насчет любовника? – снова спросил майор Ригель. – Так уж ли вы и не знаете, кто это был?

– Понятия не имею. – Бывшая домработница Кабановых подошла к двери и открыла булочную для покупателей, демонстрируя, что больше на вопросы полиции отвечать не намерена.

Глава 6

Сорок бочек арестантов

С некоторых пор, что бы он ни делал, куда бы ни ехал, чем бы ни был занят, что бы ни говорил – его глаза... его душа...

Его глаза видели лишь ее. Хотя ее не было рядом.

Его душа устремлялась к ней.

Его тело...

Там тлел пожар. Не угасал.

Его сердце... Оно болело сильно. Как в старой немецкой балладе Иоганна Гердера[1 - Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) – немецкий философ, культуролог, поэт и переводчик, автор антологии «Народные песни».], которую он переиначил.

Наивный – я от счастья орал,

гостей на свадьбу к себе созывал,

И вдруг увидел в гуще теней —

Ее... принцессу среди книжек и фей...

Сердца она коснулась рукой —

от боли я вздрогнул – Ты – алмаз мой[2 - Вольный перевод с нем. Вальтера Бухгольца.].

Он влюбился в нее в четвертом классе. Девочка Лиза с рыжими косичками, в джинсах и розовом пальто, глянула на него и сказала: «Вилли, ты ненормальный, зачем ты вырвал себе зуб?» Он, и правда, выдрал себе молочный зуб из десны – только чтобы привлечь ее внимание. И бросил к ее ногам. Его первый дар ей – девочке с рыжими косичками, в розовом пальто.

Лиза Оболенская. Лизочка... Лизбет.

По-настоящему она обратила на него внимание лишь в девятом классе, когда им обоим было по шестнадцать. В десятом классе он пылко объявил матери, что женится только на Лизе Оболенской, сразу, как станет совершеннолетним. Но ее родители и слышать о таком скоропалительном союзе не хотели. Ему – Вилли Ригелю – приказано было и на пушечный выстрел к их дочери не подходить. Вилли после школы отослали с глаз долой из Староказарменска. Вместо географического факультета МГУ, о котором он мечтал, отправили к омской немецкой родне – в тамошнюю полицейскую школу.

Там и родился на свет настоящий Вилли Ригель.

Среди его немецких предков, переехавших в Россию из Померании еще при Петре Великом, имелись картографы, географы, инженеры-путейцы, один участник экспедиции Пржевальского, один сибирский генерал-губернатор, один полицмейстер, один герой Балканской войны, один павший на дуэли за женщину вертопрах и один «белобандит» из армии барона Унгерна. Пестрая компания!

За унгерновского белого штаб-ротмистра его семья жестоко платила и в двадцать пятом, и в тридцать пятом, и в тридцать седьмом. Из Питера всех предков-дворян распихали по тюрьмам, сослали кого в Тобольск, кого на Колыму. А в сорок первом две трети родни вообще расстреляли. Из всего рода фон Ригелей осталась лишь младшая ветвь. И он – один из последних.

В Питер они так и не вернулись. Отец после аспирантуры попал в закрытый «почтовый ящик» – времена уже переменились. А затем стал ведущим инженером-конструктором НПО, переехал с молодой женой в Староказарменск в Подмосковье. Этот городок после войны почти весь построили пленные немцы. Наверное, в этом было что-то символичное. Как вечное напоминание.

После омской полицейской школы Вилли Ригель еще четыре года пахал старшим группы спецреагирования в Анжеро-Судженске, потому что не мог найти места в полиции Подмосковья. А затем перевелся в ГУВД Московской области.

Как раз вовремя. Лиза Оболенская выходила замуж за его одноклассника. Тот после финансового института двинул на биржу в брокеры и как-то быстро пошел в гору, наколотил бабок. Он пригласил приятеля на свадьбу.

Вилли Ригель выпил шампанского и пожелал молодоженам счастья. Затем они с другом школьным дернули коньяка.

– Рад тебя видеть, братан, – объявил счастливый жених.

– Это ее выбор?

– Да. Что поделаешь? Она выбрала меня, хотя... Я знаю, как у вас с ней все было. Она мне сказала.

– Она тебе сказала?

– У нас нет секретов друг от друга. Но... я все равно рад, что ты пришел.

– Я сейчас уйду, ты не бойся. – Вилли Ригель поднялся из-за стола, глядя на свою Лизу Оболенскую – жену другого. – А ты, братан...

– Я останусь. – Одноклассник улыбался снисходительно.

– Да. Это ее выбор. Но ты не попадайся мне на пути. Потому что... я тебя убью.

Они смотрели все ему вслед, когда он уходил с их свадьбы.

С тех пор прошло семь долгих лет. Их жизни не пересекались. Он дал себе слово, что не увидится с ней больше никогда.

Лиза стала успешным адвокатом. И опубликовала свою первую книгу – детектив. Она мечтала быть известной писательницей. Он гонял на своих тачках на ралли, корпел над бумагами в Главке. Затем его назначили на должность начальника полиции Староказарменска. Их жизни шли параллельно. Но он никогда не терял ее из виду. Знал, что у них с мужем нет детей. И был этому эгоистически рад. Знал, что они купили классный дом. А потом он узнал, что Лиза Оболенская бросила мужа-брокера.

Едва услышав эту новость, он тут же набрал три заветных номера в мобильном – пышной любвеобильной пятидесятилетней Надежды Павловны из финансового управления Главка, Ксюши – стервы, мучительницы, меркантильной, прекрасной, ненасытной в постели, юной девятнадцатилетней Анюты, нежной как незабудка, пылавшей к нему первой романтической неугасимой любовью, и объявил им: все кончено. Он их бросает, потому что...

Он гнал на машине в тот вечер, как на ралли – к ее дому, новой квартире, которую она приобрела после продажи прежнего дома. Стучал, звонил в дверь.

Она открыла, удивленная, сбита с толку – рыжая, кудрявая, без косметики, в старой футболке, с малярной кистью в руках. На ночь глядя решила перекрасить прихожую в белый цвет. Он шагнул через порог и, ничего ей не говоря...

Глядя в ее глаза...

Словно и не было семи долгих пустых лет...

Взял ее лицо в свои ладони.

Поцеловал в губы.

Два часа поцелуев в прихожей, где пахло краской.

Сначала она вырывалась. Лупила его по плечам, по спине. Испачкала всю его полицейскую форму белой краской.

Он не отпускал ее, целовал в губы, пил ее дыхание...

- У тебя не все дома, Вальтер Ригель.

- Ага, - краткая пауза в поцелуях, чтобы ответить ей.

- У вас не все дома, майор...

- Конечно... конечно... natürlich...

- Прекрати...

- Не могу.

- Мы все в этой краске...

- Отмоемся... позже...

- У меня голова кружится. Ты как ураган. Но я всегда знала...

- Что? Ну, скажи, что ты знала?

- Вилли, все равно из этого ничего не выйдет.

- Выйдет. Wird gelingen.

- Нет...

- Ich liebe dich[3 - Я тебя люблю (нем.)].

Он поднял ее на руки там, в прихожей пустой новой квартиры.

И следующие девять месяцев были самыми счастливыми в его жизни.

Он летал. И на работе, и на ралли. Горы сворачивал. И это при том, что они с ней почти совсем не смыкали глаз ночами.

Среди смятых простыней, разбросанных подушек, сорванной одежды. Кобура пистолета – на ручке шкафа. Наручники, которые она вытащила сама из кармана его куртки, – на прикроватном столике. Оторванный погон... оторванная форменная пуговица...

Аромат ее кожи, ее волос...

Все, все было для него наваждением, наслаждением. Счастьем великим... Невиданным, сказочным счастьем, когда...

Когда она просто закрывала в сладкой неге глаза свои...

Когда он зарывался лицом в ее волосы.

Задыхаясь от страсти, он переходил на немецкий. И шептал что-то про маленьких фрицев, которых он ей подарит – мальчика Гензеля и девочку Гретель, как в сказке, и опять сделает пряничный домик. Миллион пряничных домиков.

- Нет, маленьких фрицев... будут звать... не так.

Она приняла его предложение руки и сердца.

Они назначили день свадьбы.

И на этом внезапно все закончилось.

Счастье и радость.

Кто сказал, что счастье дается нам на веки вечные?

Свадьба стала для него днем, который он хотел вычеркнуть из памяти.

И не мог.

В общем-то никакой свадьбы так и не случилось.

Вместо свадьбы – темнота...

Лиза Оболенская – его сбежавшая невеста.

Сбежавшая от него, как от чумы, как от проказы.

Schlampe!!! Шлюха!! Дрянь!!

Лизочка... Лизбет... жизнь моя... mein liebe...

Она сказала, что никогда не выйдет за него замуж. И чтобы он не появлялся больше в ее жизни. Не приходил, не звонил. Потому что она мечтала о любимом человеке, о муже, а не о бездушном автомате, зацикленном на приказах, у которого в душе ничего человеческого...

Это у него?

Это она про него?

Он в бешенстве поклялся ей, что не придет.

И клятву не сдержал.

Позапрошлой ночью, когда Алексей Кабанов еще был жив, радовался своей маленькой сучьей жизни и строил планы, он, Вилли Ригель, стучал в дверь квартиры своей сбежавшей невесты.

Своей обожаемой...

Проклятой...

Прекрасной...

Безжалостной...

- Пусти меня!! Это я! Пусти! Дверь сломаю!

- Уходи! Что тебе снова надо?!

- Открой!

- Нет! Убирайся прочь.

- Отойди от двери. - Он достал табельный пистолет. - Отойди в комнату, ну?

- Еще чего!

- Я выстрелю, замок отшибу, раз не открываешь!

- Совсем спятил!

Она открыла дверь на цепочку.

Он просунул руку и сорвал, вырвал металлическую цепочку - к черту!

Вошел к ней.

– Я тебе все уже сказала. Между нами все кончено. – Она стояла, выпрямившись, сверкая темными глазами.

– Нет, не кончено.

– Уходи. – Она отвела глаза.

– Всю кровь из меня выпила! Жизнь мне сломала! – Он схватил ее за плечи.

– Ты сам все сломал. Я просила тебя. Я тебя просила, как человека. Ты сам сделал свой выбор. Ты выбрал сам! И такой, как сейчас, ты мне не нужен. Ты мне противен. Уходи отсюда, чего явился? Может, силой меня возьмешь? Ударишь? Руки за спину заломить, в наручники закуешь, как вы там нас на площади?!

Он отпустил ее. Она плакала.

Его сердце рвалось на части.

– Лиза, это не может, не должно стоять между нами.

– Это уже встало между нами, неужели ты так и не понял?

– Я знаю одно – я люблю тебя.

– А ты ничего не сделал ради меня, ради любви ко мне. Когда я просила тебя.

– Я не могу без тебя жить.

– Тогда возьми меня силой. Посади в свой автозак. Брось в камеру!

– Schlampe!!![4 - Шлюха (нем.)] Сердце мое растоптала!

– Ты сам все растоптал. Все погубил. – Она распахнула дверь. – Уходи. Видеть тебя не хочу, Вилли Ригель.

Он ушел.

Он дал себе слово, что она, его сбежавшая невеста, еще о нем непременно услышит.

Это было позапрошлой ночью.

А через сутки на мусорной свалке нашли тело Алексея Кабанова.

Глава 7

Amour amour

На несостоявшейся свадьбе майора Ригеля Катя присутствовала в качестве гостя вместе с коллегами из Главка. Так что все происходило на ее глазах. В тот солнечный теплый августовский день три недели назад в Малом Харитоньевском переулке, когда ничто вроде не предвещало катастрофы.

В Главке весь июль и август циркулировали слухи: «Наш Вилли» (пусть он и сидит теперь начальником в своем Староказарменске) наконец-то женится на женщине всей своей жизни Лизе Оболенской. Якобы все-таки отбил ее у мужа, с которым хотел даже стреляться на дуэли насмерть. Про дуэль, конечно, врал – в полиции любят такие романтические байки. И увести Лизу Оболенскую, которую Катя знала лично, от кого-то к кому-то было сложно, потому что она сама обладала харизмой, характером и решительностью почти мужской. Была крайне независима и свободолюбива.

Преуспевающий адвокат и писательница Елизавета Оболенская с самого начала протестов против строительства в Староказарменске мусорного завода активно участвовала в протестном движении, как адвокат оказывала юридическую помощь Экологическому Комитету Спасения, который возглавляла ее подруга Герда Засулич. За три дня до свадьбы в городе произошли известные события – митинг, который на этот раз власти решили «не санкционировать», собрал рекордное число горожан. Почти все вышли протестовать против строительства мусорозавода. Митинг закончился столкновениями с полицией и массовыми задержаниями. Приехали автозаки, росгвардейцы действовали без оглядки и жалости. В маленьком городе, насчитывающем всего несколько десятков тысяч

человек, задержали триста митинговавших.

Лиза Оболенская в тот день находилась в суде в Москве, где как раз подавала иски к компании, возглавляемой Алексеем Кабановым. Она приехала в Староказарменск уже вечером, когда автозаки переполнились людьми и в камерах УВД яблоку было негде упасть. Оболенская снова отправилась уже в местный суд, как адвокат задержанных, оспаривала административное задержание.

Это было все, что Катя знала о ней в связи с ситуацией. Знала она и то, что Вилли Ригель, получив приказ начальства о силовом разгоне митинга, его исполнил. И сам участвовал во всем – как командир Староказарменских полицейских.

И вот настал день свадьбы. Они все – почти три десятка гостей – собрались в Грибоедовском Дворце бракосочетаний. Вилли хотел жениться только там, при полном параде. Весь Малый Харитоньевский переулок заполнили машины – и личные, и полицейские с мигалками. Приехало из ГИБДД с цветами немало приятелей Ригеля и его поклонников на ралли.

Полицейский женится! Вилли, давай! Вилли, братан, держись! Силен мужик! Счастья жениху и невесте!

Бракосочетание назначили на одиннадцать часов. Гости ждали в знаменитом Красном зале Грибоедовского дворца, толпились на не менее знаменитой его лестнице, отделанной дубом. Вилли Ригель в черном костюме с иголки с белоснежной гарденией в петлице светился от счастья. Катя была за него очень рада. Она нарядилась на свадьбу и предвкушала веселье и танцы до утра.

Но к одиннадцати часам невеста не явилась. Не явилась она и к половине двенадцатого. Гости начали перешептываться. Вилли Ригель звонил по мобильному – Лиза Оболенская не отвечала. В Красном зале было трудно дышать от букетов, принесенных гостями. Открыли окна. Без четверти двенадцать к ним вышла представитель Дворца и сказала: раз у вас все задерживается, надо уступить место следующим парам. Пройдите все в холл и на лестницу.

В полдень в Малом Харитоньевском взвизгнули тормоза – Лиза Оболенская, прекрасная, как белая роза, в пышном свадебном платье с кринолином и фате невесты, с букетом фрезий, с цветами в рыжих волосах, выпорхнула из своей машины и вошла во Дворец. Одна – без друзей и родителей.

Она появилась среди взволнованных гостей. Вилли устремился к ней навстречу, но она даже не взглянула в его сторону.

– Дорогие друзья, прошу меня извинить, но свадьба отменяется! – громко объявила невеста. – Говорю при свидетелях – я никогда не выйду замуж за Сорок Бочек Арестантов. Кто из вас потратился на подарки нам – вот моя визитка, звоните мне, я лично возмещу расходы. Удержите его, чтобы не вздумал сейчас за мной гнаться. И – прощайте!

Все замерли. Воцарилась гробовая тишина. Вилли стоял, как громом пораженный. Лиза Оболенская очень аккуратно положила свой букет невесты на стул, повернулась к выходу.

Катя видела, как она скользит по грибоедовской лестнице, подобрав свои пышные кружевные юбки.

Сбежавшая невеста...

Она уже садилась в машину – в свадебном платье, фата из окна – словно белый флаг, когда Вилли, наконец, опомнился, растолкал приятелей-полицейских и бросился за ней – по лестнице вниз.

Вылетел из Дворца – машина невесты уже скрылась из вида. Он кинулся к первой попавшейся патрульной с мигалкой. К счастью, его удержали гаишники – Вилли, остынь, погоди, не надо, приди в себя, братан.

Теперь, оглядываясь на все эти грустные дела, Катя понимала – ей известно не все. Есть в этой истории свои подводные камни. Их предстоит достать из темной воды.

– Вилли, мне надо номер снять в гостинице. Какая здесь у вас самая близкая к отделу? – спросила Катя, когда они покинули булочную.

– Подруга мамы сдает свою однокомнатную квартиру, сама сейчас живет с дочерью и ее семьей, им помощь нужна. – Вилли Ригель кивнул на машину. – Заедем ко мне домой, мама ей позвонит – вы там лучше устроитесь, чем в гостинице.

Катя согласилась. Они ехали по Староказарменску, который к вечеру вообще словно вымер, будто объявили комендантский час. Фонари на площади, освещенные витрины, торговый центр... А людей на улицах – шаром покати.

Жилые кварталы – старый микрорайон из четырехэтажных послевоенных домов на несколько семей. Возле одного из них майор Ригель остановился.

Они вышли, Вилли открыл подъезд, поднялись на второй этаж. Катя знала по сплетням – Ригель время от времени снимал квартиры, но в свои тридцать четыре все возвращался к матери под крыло (отец его давно умер). Он позвонил в дверь – мама, это я.

Дверь распахнулась.

Катя увидела Марту Морицовну – его мать. Бледная и решительная, в глазах – молнии. В прихожей чемодан и две набитые спортивные сумки.

– Мама, я...

– Убирайся прочь! Вон с глаз моих! – Мать наклонилась и выбросила один за другим чемодан и сумки на лестничную клетку.

– Да что случилось? Ты что? – Вилли опешил.

– Прочь отсюда! Не желаю тебя больше видеть!

– Да что я такого сделал?!

– Что ты сделал? А ты не знаешь? Весь город знает это, а ты нет? – Мать жгла его взглядом. – Ты кем стал? В кого ты превратился? В жандарма? В опричника?! Сорок Бочек Арестантов!

– Мама, я тебе сказал – я не допущу здесь гражданского противостояния, не будет массовых беспорядков в моем городе!

– А их и не было, этих массовых беспорядков! Пока вы все не начали, вы сами все устроили! Это был мирный палаточный лагерь. Что вы сделали с теми, кто там был? Бросили в тюрьму! – Она кричала на него. – Что ты с ними сделал? Мой сын – жандарм!

– Не кричи на меня. Я исполнил свой долг. Я полицейский.

– Ты мерзавец! Бездушный робот – солдафон! – закричала на Вилли мать. – Что ты с Анной Сергеевной сделал?! Я тебя спрашиваю?

– Ее сразу отпустили, мама.

– Ей семьдесят три. Она моя подруга. Она с тобой, мерзавцем, нянчилась в детстве, гланды твои лечила! Она врач! Она к внуку пришла в их палаточный лагерь у свалки, принесла ему обед горячий. А тут вы явились, набросились на них, все там разрушили, всех скрутили. Ее, старуху, швырнули в автозак!

– Ее доставили в отдел, проверили документы и сразу отпустили.

– Сразу отпустили? Такая у вас инструкция, да? – Мать схватила его за бронежилет. – Она вернулась из этой вашей жандармерии, и ее «Скорая» сразу увезла! Мне позвонила ее дочь только что. Мы надеялись все эти дни, что все обойдется, а у нее инфаркт обширный случился, она сейчас в реанимации! Она умирает... Если она умрет... Ты, ты в этом виноват! Ты, негодяй, бездушный, бесчеловечный! Прочь с моих глаз! Не смей сюда являться! – Она отшвырнула от себя сына. – Явишься, когда изменишься. Когда снова станешь человеком нормальным, а не роботом-полицейским!

– Марта Морицовна, вы не правы! – воскликнула Катя, которая сначала дар речи от этой сцены потеряла. – Как вы можете? Он... да Вилли... что вы такое ему наговорили сейчас?!

– Не смейте его защищать! Знаешь, сын. – Мать смотрела на майора Ригеля. – Я Лизбет осуждала, гневалась на нее за то, что она тебя унизила публично. Так с

тобой поступила. А сейчас я скажу – права она. Так тебе и надо. Может быть, хоть она научит тебя смотреть на мир и на нас всех по-другому. Не так безжалостно, бессердечно, как ты смотришь сейчас.

Она захлопнула дверь. Майор Ригель наклонился, забрал чемодан и сумки, начал медленно спускаться с грузом по лестнице...

– Вилли! – Катя бежала за ним следом.

Он швырнул вещи в багажник. Сел в машину. Внешне бесстрастный – только правая щека дергается в нервном тике.

– Немец все делает по инструкции, – сказал он хрипло Кате. – С апартаментами ничего не выйдет. Придется вам пожить в гостинице.

– Вилли, я... о, боже...

Катя и слов не находила. Он отвез ее в местную гостиницу. У него было такое лицо, словно он шел под водой и у него воздух кончался. Катя боялась его отпускать одного назад в отдел.

– У меня вещи в машине, а она на вашей стоянке, я с вами еду. – Она вернула ключ от номера на ресепшен. – Вилли, надо успокоиться.

– Непробиваем, как танк. – Он в машине глянул на себя в зеркало. – Слышали, как она про меня? Робокон! – И врубил магнитолау.

Грянул Rammstein – Amour Amour.

Словно кто-то там, на небесах, ехидный, столь не любящий и презирающий нас, специально сидит и подкарауливает момент, чтобы поставить самый убойный саундтрек.

Amour Amour – дикий зверь, он тебя подстерегает, отсиживаясь в логове разбитого сердца... И во время поцелуев при свечах выходит на охоту...

В отделе полиции Вилли Ригель сразу прошел к себе в кабинет, бросил вещи там, расстегнул, сдернул с себя бронежилет, форменную рубашку, оставшись только в серой футболке. Вышел, наматывая на кулаки черные ленты.

И в этот миг произошло одно событие, на которое взволнованная до предела Катя не могла не обратить внимания.

К Ригелю подошел тот самый мужчина, которого она видела на месте убийства в черном стильном плаще. Сейчас он был без плаща, в элегантном синем костюме и дорогом галстуке цвета палевой розы. Этаким восставший из гроба Носферату, разочарованный жизнью вампир. На лице – печать глубокой меланхолии. Голос негромкий, однако мужественный, низкий баритон.

– Она в пикете на площади, задержите ее. Привезите сюда.

– Пикет официально разрешенный, – бросил в ответ Вилли Ригель.

– Плевать. Задержите, привезите... Парень, уж ты-то должен меня понять. Сам такой же, как я, – импозантный Носферату обращался к майору по-свойски, на «ты», может, потому что был старше его лет на двадцать. – Хоть здесь с ней поговорю.

– Улаживайте ваши дела с ней сами. Езжайте туда, на площадь.

– Она отворачивается. И говорить со мной не желает.

– А если мы ее задержим и в отдел доставим, она что, с вами любезничать станет?

– Парень, ну войди в мое положение. Я должен с ней объясниться!

Катя вспомнила имя этого поразительного типа – Тимофей Кляпов. Вилли Ригель молча прошел мимо него, продолжая обматывать свои кулаки черными эластичными лентами.

– В спортзал? – спросил его дежурный Семен Семенович Ухов. – Это... а что случилось?

– С печки азбука свалилась, Семеныч, – ответил ему Ригель и свернул по коридору.

– Что с ним такое? Лица на нем нет, – тихо и тревожно спросил дежурный Ухов у Кати.

Семена Семеновича Ухова Катя тоже отлично знала – он работал в дежурной части и был бессменным и верным механиком Вилли Ригеля на всех полицейских ралли. Его другом – а после смерти Ригеля-старшего сам стал Вилли как отец. Кате они оба всегда чем-то напоминали героев Ремарка.

Шепотом она рассказала Ухову о том, что произошло только что у Ригеля дома.

– Мать его выгнала? – Дежурный схватился за сердце. – Она что, с ума сошла? Не понимает? Он и так со дня свадьбы по краю ходит. А теперь и мать на него ополчилась. Да я сейчас сам к ней поеду! Скажу ей!

– Семен Семеныч, погодите, не порите горячку. – Катя ухватила его за рукав. – Так только хуже сделаете. Надо подождать, пусть оба остынут. Он в спортзале?

– Он всегда, как у него на сердце камень, раз – и в спортзал, бокс, карате. Перчатки специально не надевает, чтобы боль чувствовать. Раньше на машине гонял на полной скорости по бездорожью, пар выпускал, сейчас отлучаться нельзя, мы же тут все как на казарменном.

– Что здесь стряслось у вас? Почему Вилли хотел Алексея Кабанова избить? – Катя решила наконец узнать самое главное на данный момент.

– Когда насчет митинга приказ пришел, – дежурный Ухов наклонился к самому уху Кати, – у нас здесь в отделе смятение возникло. Тогда Вилли сам бронежилет на себя надел, всю амуницию, шлем, щит, дубинку – для него приказ, сами понимаете. Мол, если что, сам первый за все и всех отвечу, как начальник, вас не подставлю. За это и любим его, за честность. Даже в таких делах, до которых мы дожили. – Дежурный скрипнул зубами. – А потом свадьба его через три дня. Вы сами знаете, как там все было. Я в Грибоедовский не смог приехать, у нас Армагеддец с утра настал полный – из судов задержанных все привозили, привозили. Я думал – поеду прямо в ресторан на Чистые пруды. И

вдруг звонит мне Кукушкин из розыска – в шоке, мол, сбежала от нашего невеста прямо в ЗАГСе! Кричит мне в телефон – наш-то уехал то ли за ней вдогонку, то ли в отдел. Если в отдел, прячь ключи от оружейной комнаты, скажи, что я их забрал с собой, а дубликат ключей хоть проглоти, но чтобы он их не нашел, не добрался до пистолета в таком состоянии. Я все ключи спрятал. Вилли приезжает – в черном костюме своем с цветком в петлице. Мимо меня – в кабинет и заперся там. Сутки не выходил. Я ночью ему стучал, просил – опомнись, сынок, мало ли что в жизни бывает... А он мне – Семеныч, уйди. Оставь меня. А на следующий день в одиннадцать принесла вдруг этого Кабанова нелегкая. Явился и сразу права качать – недостаточно жестко с митингующими! Они не уgomонились – палаточный лагерь вон за ночь построили у свалки, технику не пропускают для расчистки стройплощадки. Жесткие меры надо принимать немедленно, а не миндальничать. Где начальник ваш Ригель?

– И что дальше? – спросила Катя.

– Вилли на крик его вышел. А этот хмырь ему – вы потворствуете хулиганам. Мер не принимает никаких! Вилли ему сначала спокойно – мы меры принимаем, а они не хулиганы, а горожане, земляки. А этот Кабанов ему с такой наглой ухмылочкой – какие они вам земляки? Между прочим, прадед мой Берлин брал, а где ваша-то тевтонская родня тогда была, в каком концлагере, в какой зондеркоманде служила? Вы понимаете, что он ему сказал? В глаза – такое. Сейчас развелось этих гнид – ведут себя, словно сами воевали... Ну, Вилли ему и... Хальт ди фотце! – заорал. И переводить не стану вам, что это, плохое слово, вроде нашего «заткни хлебало», только совсем нецензурно. Он когда волнуется сильно, на немецкий переходит, он же двуязычный. А Кабанов фразу не понял, но смысл уловил и опять подло так – а, значит прав я, судя по вашему возбуждению. Ну, Вилли тут и бросился на него – Шайскерль! Тоже переводить не буду вам, совсем нецензурно... И потом по-русски – ЖАБА! Выкинул бы он его из отдела, дверь бы им вышиб, только мы все его удержали... еле удержали... Кабанов этот ноги в руки. Орет – я этого так не оставлю! Вас уволят!

– Семен Семенович, плохо все это. Слухи об этом уже и до Кабановой дошли. А в таком деле, как убийство...

– К черту слухи. Я за него горой буду, он мне как сын. Пусть эти – невеста и мать – от него отказались, так я за него встану, заступлюсь. – Дежурный Ухов глянул на Катю. – А вы, если по своей журналисткой привычке ради «полной объективности» что-то напишете против него, так, клянусь – на одну ногу вашу

наступлю, за другую возьмусь и раздеру пополам, как лягушонка. Даром, что славная вы и мне симпатичны. Но за него, Вилли, я и вас... Поняли меня?

– Поняла, Семен Семеныч., – Катя кивнула. В полиции с некоторых пор весьма черный, мрачный юмор.

Она хотела спросить дежурного еще о том конфликте, но внезапно они услышали это.

Глава 8

В дебрях не тронул прожорливый зверь...

Славное море священный Байкал,
славный корабль омулевая бочка...

В недрах Староказарменского отдела полиции звучал великолепный мощный тенор, грянувший «Славное море» так, что его услышали не только Катя и дежурный Ухов, но и люди во дворе отдела, и на улице.

Эй, баргузин, пошевеливай...

Нестройный хор подхватил песню блистательного запевалы. Сначала тихо, затем все громче.

– В ИВС запели, – объявил дежурный Кате. И она сразу спустилась в изолятор.

Из камер, переполненных задержанными после разгона палаточного лагеря противниками стройки, неслось:

Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
горная стража меня не поймала...

Напротив начальника ИВС и его помощника стояли трое – те, кого Катя видела во время осмотра места убийства. Михаил Эпштейн, рядом с ним молодой высокий красавец лет тридцати – брюнет самой благородной и кинематографичной внешности, ну прямо кандидат на роли разведчиков! Кате было известно, что его зовут Аристарх Бояринов. Третий был тот самый высокий шатен в строгом черном костюме, старший из всех. Лет сорока пяти, но выглядящий намного моложе своего возраста. Этаким симпатяга, как две капли похожий на Джерарда Батлера: серые глаза с прищуром, с искорками, обаятельнейшая улыбка, атлетическая фигура, широкие плечи. Такой тип мужчин действует неотразимо на обеспеченных дам бальзаковского возраста и юных нимфеток. Катя знала лишь, что его фамилия Борщов. А из камер гремел арестантский хор:

В дебрях не тронул прожорливый зверь.

Пуля стрелка миновала.

– Прекратите этот балаган немедленно, – процедил Аристарх Бояринов, обращаясь к начальнику ИВС.

– Они поют, – ответил тот. – Не бузят, не хулиганят. Поют.

– Акт неповиновения полиции, – ввернул Михаил Эпштейн.

– Они поют, – отрезал начальник ИВС. – Запевала студент консерватории, лауреат, между прочим, разных конкурсов. Голос какой... в Большой театр с таким голосом, а не в кутузку. Кто в этих камерах? Приличные люди. У одних административный срок кончается, другие из вновь задержанных в палаточном лагере. Врач нашей поликлиники, два актера – оба живут у нас в городе, в сериалах снимаются, я сам видел. Художник с Еремеевских дач, комиксы рисует, айтишник-компьютерщик, два военных пенсионера – летчики оба, работник морга, хозяин булочной, что на Первомайской, студенты. Соседи мои. Наши горожане. Народ!

– Мои бывшие одноклассники там, – ввернул юный помощник начальника ИВС.

– Я не понимаю вашего умонастроения, – снова процедил Аристарх Бояринов. – Это демарш со стороны задержанных на несогласованной противозаконной

акции.

– Народ поет, – снова упрямо повторил начальник ИВС. – Раньше мы кого в эти камеры сажали? Воров, насильников, налетчиков, угонщиков, мафию... А теперь вот соседей своих сажаем, родственников, земляков. Дожили до светлого праздничка! Кто устроил нам такую жизнь, а?

– И кто же вам ее устроил? – спросил у полицейского Борщов. – Может, вы нам это сами скажете, а?

Хлебом кормили крестьянки меня...

Хор не сбавлял обороты. Юный помощник дежурного взял со стола свой планшет, быстро открыл трек и...

Славное море священный Байкал...

Словно на помощь арестантскому маленькому хору пришел могучий Краснознаменный хор, грянувший так, что стены задрожали. В камерах оживились, подхватили.

В ИВС зашел Вилли Ригель – прямиком из спортзала, обнаженный по пояс, мокрая футболка на плече, на рельефном торсе – капли пота, на фалангах пальцев – кровавые ссадины. Видно, не только в боксерскую грушу стучал там. Идеальный пробор его в полном беспорядке. В серых глазах лед.

– Что на этот раз прикажут господа из ФСБ? – спросил он холодным спокойным тоном, однако сулящим одни беды. – Яволь! Заткнуть их? Позатыкать всем рты? Чтобы уже и не пели? Не митинговали, не болтали. И не пели? Этого вы хотите? Яволь!

– Вилли, Вилли, – Катя поняла, что назревает очень серьезный конфликт, – Вилли, пожалуйста...

Он рукой задвинул ее себе за спину, словно Кинг-Конг.

– Немец приказ исполнит. Только давайте сначала глянем, кто чего стоит. Там. – Вилли кивнул на спортзал, располагающийся рядом с ИВС. – Чего стоит мент, черная кость, разгребатель вашего дерма. И чего стоите вы, господа «новые дворяне». Ну? Я один против вас троих. Бой без правил в спортзале. Разрешено все. До первой крови. Или до последней. До конца.

– Вилли, вам надо успокоиться. – Катя чувствовала: еще минута – и бой без правил произойдет здесь, если уж Вилли Ригель ринулся в атаку, его не остановишь.

– Вы это чего? Совсем оборзел! – воскликнул Михаил Эпштейн. – Пьяный, что ли?

Вилли Ригель протянул руку и схватил его за галстук, дернул к себе. Эпштейн взвизгнул, как пойманный в силоч кролик.

– Отпустите его, – сказал Борщов. – Навесите ему фонарей – под суд пойдете. А у него в кармане справка из дурдома. Он ею как броней от всего прикрывается. Миша, радость моя, покажи майору свою справку из дурдома. А он на вас потом еще в суде наябедничает, в антисемитизме обвинит.

– Пошли в спортзал. – Вилли Ригель отшвырнул от себя Эпштейна и надвинулся на Борщова.

– Я уже такими делами не занимаюсь. Не тренировался давно, увы. – Борщов пожал плечами.

– А я вообще в ФСБ не работаю. Уволился, – ответил Аристарх Бояринов.

– Полоумный фашист! – визгливо выкрикнул Эпштейн и спрятался за спину Бояринова.

– Вилли. – Катя развернула Ригеля к себе. – Все, все. Успокойтесь. Глубоко вдохните. Не надо с ними вообще сейчас ни о чем говорить.

Слыыыыышатся гроооооооома раскааааааатыыыыыы...

Оба хора – арестантский из камер и Краснознаменный из планшета – слились в унисон.

Борщов взял со стояла крышку от бутылки кока-кола и вставил себе в глаз, как монокль, глянул на них – ну прямо Коровьев-Фагот. Катя в этот миг поняла, что этот тип – лицедей, и какой!

– Как у старика Булгакова – «заскулил, просил уважить старого регента-певуна, умоляя грянуть»...

И голос-то как у Фагота! Но вдруг голос резко изменился, став почти женским:

– «Примите меры, доктор, умоляю!»

Борщов выкрикнул эту булгаковскую фразу тоном истеричной девицы.

Однако его пародия, призванная разрядить ситуацию, выглядела какой-то натужной, искусственной, жалкой на фоне мощной прекрасной песни, наполнившей маленький отдел староказарменской полиции. «Славное море» слушали в городе, во многих окнах домов рядом с отделом зажегся свет.

– И отчего это с нами не надо разговаривать? – спросил Борщов у Кати, вытаскивая свой «монокль» из глаза. – Мы не люди, что ли?

– Это вот, между прочим, полковник ФСБ из 66-го отдела, – сообщил Кате Эпштейн тоном ябеды. – Прикомандирован сюда сверху.

– Гектор, – сказал Борщов Кате.

– Какой Гектор?

– Гектор Борщов-Троянский. Но приятели зовут меня Гек. Раз уж мы в глазах представителя пусть и ведомственной, но свободолобивой прессы все здесь ретрограды и душители демократических свобод, так будем без чинов. Без церемоний. Приватно.

– Пусть ваши приятели вас зовут как угодно. Вы мне не друг, – отрезала Катя.

– Тогда для вас я – Гектор. – Он смотрел на нее. – Это майор для вас – Вилли. Майор, остынь... Иди выпей водки, знаешь, порой надо дернуть стопку. Помогает. А будешь без перчаток из стенки кирпичи вышибать, покалечишь руки, и когда драться надо будет по-настоящему, они тебя подведут. Читали Илиаду? – Он снова обратился к Кате.

– Да, – ответила она зло. – Вилли, пойдете, вас дежурный срочно ищет. – Она тормозила Ригеля, пытаясь увести его прочь от них, от Борцова и Бояринова (Эпштейн не в счет).

– Меня, в отличие от моего троянского тезки, никто не привязывал за ноги к колеснице и не волок по дороге.

– Ясно. – Катя потащила Вилли за собой из ИВС.

Тот обернулся через плечо.

– Завтра... Завтра вызываю экспертов-криминалистов, обыщут все их паучье гнездо в Малаховке, кабановский дом. С раннего утра. Я тебя... вас обязан ставить в известность. Так вот – ставлю. Не опаздывайте завтра на работу, полковник.

– Встану рано. – Гектор Борцов скорчил печальную мину.

В этот миг Катя поймала себя на мысли, что в этом симпатяге а-ля Джерард Батлер – дамском угоднике – есть что-то неуловимо странное... Голос... Он словно его нарочито понижал. Но изначально голос у него высокий, как тот тенор, что пел в камере. И еще... У Гектора Борцова в его сорок пять была удивительно гладкая кожа на щеках, на лице, почти юношеская, не огрубевшая.

В дежурке Катя с рук на руки передала Вилли Ригеля Семену Семеновичу Ухову.

– Прошу прощения, Катя, – сказал ей Ригель. – Что сделал вас свидетелем неприятной сцены.

– Вы молодец, – шепнула она ему. – Только надо быть осторожным. Пожалуйста.

– Ладно, – он надел на голый торс форменную рубашку, застегнулся, – завтра обыщем дом Кабанова и его жены и дом братца младшего, который он снимает. На предмет обнаружения следов крови. Надо искать место, где его убили. ДНК там его, конечно, полно, но кровь... Если найдем, сами понимаете. Дело раскрыто.

Катя оставила их в отделе и на машине поехала наконец-то в гостиницу. Спать, спать... Она так устала за этот длинный день, полный событий и конфликтов.

Проезжая мимо центральной городской площади, у корявого памятника каким-то «первопроходцам» она вновь стала свидетелем поразительной сцены, на которые оказался столь щедр маленький непокорный городок.

У памятника напротив городской администрации с плакатом стояла в пикете молодая светловолосая женщина. Катя хорошо ее разглядела в свете фонарей. Миниатюрная, как Дюймовочка, в модных очках. На плакате крупными буквами: «Отстоим наш город! Спасем его, себя, детей и природу!»

Рядом с женщиной остановился шикарный черный «Лексус», за рулем которого сидел тот самый разочарованный жизнью вампир – Тимофей Кляпов.

Высунувшись из окна, он что-то тихо, но горячо говорил молодой женщине с плакатом. Катя знала ее имя – очень известное в Староказарменске и в интернете, где обсуждали городские протесты, задержания и сочувствовали активистам-экологам. Герда Засулич. Местный гражданский лидер. Эколог.

Лицо у Кляпова, когда он смотрел на Герду Засулич, было странным, если не сказать больше. Его наголо бритый череп блестел в свете фонарей. Катя даже остановила свою машину, пораженная этим зрелищем.

Герда Засулич демонстративно повернулась к нему спиной. Затем сунула свой плакат на палке под мышку и зашагала с площади в сторону тускло освещенной улицы. Шикарный «Лексус» медленно двинулся за ней, словно почетный эскорт. Но она свернула во двор, перегороженный шлагбаумом, явно чтобы только от него отвязаться.

Тимофей Кляпов сразу вышел из машины. Он устремился за молодой женщиной, бросив свою шикарную машину прямо посреди улицы, даже не закрыв дверь, словно плевать ему было на тачку. Но в этот миг к Герде Засулич подошли горожане –

мамы, гуляющие с детьми перед сном, дамы с собачками на поводках, пенсионеры в старых куртках, юная парочка в обнимку. Они окружили ее, что-то говоря, явно делясь какими-то новостями.

И Кляпов сразу отошел в тень, словно вернулся «на темную сторону».

Катя дала себе обещание, что и про это тоже все выяснит – ну, насколько возможно. Староказарменск припас немало сюрпризов. Она была лишь в начале долгого тернистого пути.

Глава 9

Ульяна и Петя

В девять утра, когда Катя снова переступила порог Староказарменского отдела полиции, она обнаружила Вилли Ригеля в кабинете. Всюду были разбросаны вещи из сумок, царил хаос, а сам майор в футболке, еще больше похожий в это утро на молодого кайзера Вильгельма в изгнании, методично и аккуратно гладил форменную рубашку, разложенную на столе на банном полотенце. Выходило это у него не очень. Но он старался.

– Квартиру надо снять, – объявил он, поздоровавшись. – Только мы сейчас сутками в отделе прикомандированы. Так что я здесь пока обитаю. Эксперты-криминалисты уехали в Малаховку. Осмотры уже начались. Они мне звонили – Петр Кабанов у своей невестки Ульяны дома. Утром. Открыл им дверь в неглиже. Так что, кажется, все ясно с ними. И с этим любовником дамочки. Кто такой, искать не надо. Я дал экспертам полтора часа, они все в доме обработают реагентом на выявление следов крови. Они забрали ключи от дачи, которую снимает Петр Кабанов. Кстати, он через две улицы от брата поселился, там же, в Малаховке. Это знаменитая бывшая дача Меркадера – убийцы Троцкого. Он там жил... Символично, что Лесику Кабанову, как и Троцкому, тоже башку проломил. Так что кроме следов крови на даче Меркадера у братца Пети наши ищут еще и ледоруб. Шутка.

– Значит, брат убитого сейчас у его жены, то есть вдовы? – уточнила Катя.

– Да. В такой момент не с матерью, а со вдовой. Он ночевал у нее. – Вилли Ригель гладил, кое-как управляясь с утюгом.

Катя смотрела, как он разглаживает складочку на форменной рубашке.

– Вилли, хотите, я поговорю с Лизой Оболенской?

Он застыл с утюгом в руке.

– Мне с ней придется говорить об этом убийстве, о ее подруге Герде Засулич. Об их противостоянии компании Кабанова, о стройке. Она вовлечена в это дело плотно. Хотите, я с ней поговорю и о вас?

– Бесплезно. – Вилли Ригель задвигал утюгом, потом выпрямился, оставив утюг на рубашке. – Но спасибо.

– Спасибо – да или спасибо – нет?

Он не отвечал.

– Знаете, Вилли, когда женщина сбегает с собственной свадьбы, то... не обязательно она бежит от жениха.

– А от кого?

– От собственных химер.

Он и на это ничего не ответил.

– И такой поступок, если до этого были сильные чувства, а они у вас с ней были, говорит уже не о любви.

– А о чем говорит такой поступок?

– О страсти. Вилли, осторожно, вы прожжете рубашку. – Катя сама сняла злополучный утюг и поставила его.

Вилли Ригель выдернул вилку из розетки.

В начале одиннадцатого они отправились в Малаховку. К патрульной машине с мигалкой, которую майор Ригель взял для поездки, подошел Гектор Борщов, подруливший на стоянку на нелепо огромном черном внедорожнике.

– Кто как, а мы скромненько на гелендвагенах по традициям конторы, – объявил он вместо приветствия. – Но я в вашей машине поеду, не возражаете? А то еще заплутаю по дороге.

Катя ничего на это не ответила и устроилась впереди. Борщов вольготно расположился на заднем сиденье. Вилли Ригель надел на выглаженную форменную рубашку кожаную гаишную куртку, в которой всегда ездил на ралли, сдвинул кобуру с бока слегка назад под куртку, чтобы в глаза не бросалась, и пристегнул к поясу наручники. Сел за руль. В этот момент к машине подошел тот красивый парень с внешностью киногероя на роли разведчиков – Аристарх Бояринов.

– Я с вами поеду. – Он хотел сесть в машину.

– С какой стати? – Вилли Ригель окинул его взглядом. – Вы не полицейский, не из ФСБ, как сами сказали, вы седьмая вода на киселе.

– Она тоже, журналистка, а всюду суется. – Красавец, похожий на молодого Штирлица, глянул на Катю с неприязнью.

– Ведомственная пресса, Главком прикомандирована, – отрезал Вилли Ригель.

– Но я ездил на свалку вчера, когда нашли тело! Вы не были против.

– Вы шефа своего Кляпова сопровождали. А сейчас его нет. Ему сейчас не до нас. – Вилли криво усмехнулся. – Так что занимайтесь своей пиаровской белибердой и не путайтесь у меня под ногами.

Красавец Штирлиц-Бояринов остался у отдела несолоно хлебавши.

Они ехали по Староказарменску, выглядящему гораздо более оживленным, чем вчера вечером.

– Городок подпольно ликует, – констатировал Гектор Борщов. – Новость о смерти Кабанова облетела поля, города и веси, в интернете шквал комментариев, я утром читал. Кто-то оказал городишке неоценимую услугу. Компания Кабанова обезглавлена, инвесторы скоро разбегутся, никакого мусорного завода здесь уже не построят. Вряд ли найдется охотник связываться. Кабанов был инициатором и вдохновителем всего. Теперь его нет. Интересно, кому достанутся компания и деньги? Его брату, матери или жене? Или всем по куску? В любом случае мусорной стройкой они уже не займутся. Сколько сразу версий выплывает, а? Сколько подозреваемых? Сколько мотивов!

– Будем все проверять, – лаконично ответил Вилли Ригель.

– Все скоро здесь устаканится. Якобинцев палаточного лагеря выпустят из застенков. Страсти улягутся. Городок снова впадет в спячку. Останется лишь это убийство... Раскрытое или не раскрытое, как карты лягут. А вы меня так огорчили вчера, коллеги. – Гектор Борщов вздохнул. – Я прямо полночи не спал, горевал. И разговаривать со мной не хотите, и общаться не желаете. Вы, коллега, вчера вечером в отеле мимо меня как мимо пустого места прошли. – Он из зеркала смотрел на Катю. – Я в баре сидел у ресепшен, топил тоску в стакане, а вы меня и не заметили даже. В баре девочки классные, и все такие передовые. Я сейчас замечаю – как красивая девица, так из протестного движения, баррикадница, декабристка. Гламур усох, теперь модно громко заявлять о своей активной гражданской позиции. Прямо наказание – ее в койку завлекаешь, очаровываешь, а она тебе про экологию и реформы бухтит. Я, между прочим, поселился в той же гостинице, что и вы. Ездить в папино генеральское поместье в Серебряный Бор как-то не с руки, далеко. Вижу, вам и этот мой треп глубоко неприятен. Ах, слышал я, что нигде нашу контору так не любят и так не презирают, как в полиции. Но не верил! – В тоне Борщова появились снова ноты Коровьева-Фагота, и он снова намеренно понизил голос, который был удивительно высок для его крепкой комплекции. – А как же святое братство «силовики»? Как же общие ценности щита, меча и орала? Вы вчера заявили мне, что я вам не друг. Вы имели в виду, что гусь свинье, Екатерина... не товарищ?

Вилли Ригель, даже не притормозив, крутанул руль и съехал на обочину. Вышел из машины, обошел капот, рванул заднюю дверь и схватил Борщова за пиджак,

за грудки.

- Выходи!

- Майор, майор...

- Это кто свинья? Ты кого свиньей назвал? - Вилли был сильнее и почти выволок Борщова наружу.

- Только без рук! - голосом капризного регента Фагота завопил Борщов.

- Я сейчас научу тебя в лесу политесу. - Вилли коротко кивнул на чахлый придорожный сосновый бор. - Извинись перед ней здесь и сейчас, пока я там тебе язык в печень не забил!

- Вилли, пожалуйста! Вилли, не надо!! Оставьте его! - Катя вновь ощутила, что они на волоске от грандиозной межведомственной разборки.

- Да, да, пылко прошу прощения. Припадаю к стопам! - вопил Борщов. - Я, я свинья - такая мерзкая, грубая, наглая свинья... а вы, вы - гусь. Ну, это же поговорка, это как песня - слова не выкинешь!

- Вилли, я вас прошу! - Катя готова была броситься их разнимать.

Но Вилли отпустил Гектора Борщова. Снова обошел капот и плюхнулся за руль.

- Вы все время стремитесь со мной подраться, герр майор. - Борщов покачал головой. - А я старше вас и по званию, и по возрасту. И что, мы бросим наше общее дело - обыск и поиски убийцы - и отправимся в лесополосу калечить друг друга в поединке без правил? Как это прискорбно.

- Прекратите оба. Немедленно! - Катя дала себе слово быть решительной.

Поехали дальше.

– Ваш 66 – это отдел по борьбе с экстремизмом? – Она все же решила нарушить гробовое молчание.

– Гусь проявляет любопытство к свинье? – Гектор Борщов смотрел на нее из зеркала заднего вида.

– Да, гусь любопытен.

– Отдел «Э» – это у вас в полиции, вам и все шишки. А у нас отдел 66. И приказ о формировании вышел шестого июня, зацените дату. Начальство в конторе недавно озаботилось выбором святого покровителя – мода сейчас такая. Патронов небесных привлекать к сотрудничеству. Так всех крутых святых разобрали уже – Следком себе Архистратига заграбастал, Росгвардия – я плакал – вообще Святого Благоверного князя Владимира. Кто-то Илью Пророка завербовал. А нам как у Умберто Эко – «хвост святой Моримунды». Кинулись ребята в интернете святцы шерстить – ничего, кроме Мученика Варвара Луканского не нашли. Но как-то не зацепило – он же бандит, убийца, этакий античный мафиози был, потом, правда, раскаялся, воцерковился. Общественность заклеяет нас, если возьмем такого братка себе в патроны. Прямо хоть к Вельзевулу стучись с отделом 66. Потом отыскивали в святцах – вы не поверите – Святителя Люцифера Калабрийского. Ну – это другое дело.

– Есть такой святой?

– Святитель Люцифер. – Гектор Борщов подмигнул им в зеркале. – Прямо тату набить тянет на ягодице, как в Альфе, с такой фирменной фишкой. Был защитником веры истинной от арианства. То есть пламенным борцом с крамолой, экстремизмом, иными словами.

– И вы в своем отделе – борцы с крамолой? – Катя задавала вопросы как журналист.

– Мы созерцатели, философы, наблюдатели состояния умов, общественных тенденций, веяний современности. Мы – аналитики.

– И какие же сейчас веяния? – спросил Вилли Ригель.

– А такие, что чем круче завинчиваются гайки, тем выше градус внутренней личной свободы, майор. И сюрпризы разные преподносят те, от кого и не ждешь. Например – вы, доблестный полицейский.

Приехали в Малаховку к высоченному забору, за которым скрывался очень старый деревянный дом, потемневший от времени и дождей. Катя поняла сразу: это и есть знаменитая дача Меркадера – убийцы Троцкого. К ним вышел один из экспертов-криминалистов.

– Никаких следов крови в доме нет, – объявил он. – Второй этаж вообще необитаем, закрыт на замок, и там столько пыли, что ясно – заперли комнаты давно. Петр Кабанов жил внизу, но вид у комнат такой, словно там нечасто ночевали. Из вещей – два рюкзака, одежда дачная простая, продукты в холодильнике. Газовой колонкой пользовались в ванной. Кухней тоже. Но повторяю – нигде никаких следов крови.

– А его гаджеты? Ноутбук? – спросил Вилли Ригель

– В доме нет, видимо, забрал.

– А его машина?

– Тоже нет. Мы нашли велосипед. Дорогая марка.

– Он вам ключи без возражений отдал?

– Легко. Мол, обыскивайте, раз надо.

– Продолжайте здесь, – распорядился Вилли Ригель. – Мы пешком пройдем до особняка его брата.

Они шли дачной улицей. Катя оглядывалась по сторонам – старая добрая Малаховка.

– А где они всей семьей жили? – спросила она.

– У Кабановых большой дом в Красково. Там сейчас только она, прокурорша наша, живет. Дом построил ее второй муж, знаменитый офтальмолог.

– Вы и там обыск проведете, майор? – усмехнулся Борщов.

– Надо будет – проведу, – отрезал Вилли Ригель. – Вон особняк Алексея Кабанова – великая кирпичная стена вместо забора.

Кирпичный забор – монолит. Рядом с домом полицейские машины. Кованая ажурная калитка открыта, домофон и камера наверху на заборе.

Борщов указал глазами на камеру:

– Я бы на их месте не стал убивать его здесь, в доме. Так что обыск...

– С записью легко хитрить. – Вилли Ригель вел их за собой. – Петр Кабанов по образованию айтишник, в качестве хобби занимается разработкой компьютерных игр. Для такого взлом программы видеосторожа – работа на пару минут.

Двухэтажный особняк с новой пристройкой странной архитектуры – старый фасад в стиле кубизма тридцатых и новая пристройка с панорамными окнами, стеклянными раздвижными дверями, террасой и патио, выложенным плиткой, уставленным терракотовыми горшками с маленькими деревьями, зелеными и яркими несмотря на осень. Из пристройки к ним вышел старший экспертно-криминалистической группы.

– Ничего. Ноль. Все обработали внутри. И здесь во дворе все поверхности, что плиткой выложены. Следов крови не выявлено.

– Ванна? – спросил Вилли Ригель.

– В доме четыре ванных комнаты. Ничего нет. Чисто. И следов недавней уборки тоже не видно.

– А машины?

– Потерпевшего – на экспертизе, я пока не знаю результатов. Машину его жены мы обработали и осмотрели. Чисто.

– А тачка его брата?

– А ее здесь нет.

– Нет его машины? – Вилли Ригель глянул на дом. – Интересно, где же она? Так, все, пошли беседовать с безутешной вдовой и братцем. Ее любовником.

Пара вышла им навстречу сама. Весьма любопытная на первый взгляд пара. Жена Алексея Кабанова Ульяна и правда поражала взор редкой породистой красотой – жгучая брюнетка с черными глазами и великолепной фигурой, она действительно напоминала пантеру – движениями, исполненными мягкой вкрадчивой грации, силы и еще чего-то неуловимого, тревожащего сердце. Катя не хотела называть это угрозой. Но в облике Ульяны не было сейчас ни скорби, ни печали и смирения. В шелковой тунике от Этро, в шелковых брюках она походила на героинь немого кино двадцатых – волнистые волосы, брови вразлет, яркие губы. Ей было лет тридцать семь, и Катя поняла, что она старше своего мужа. А младший брат мужа Петя в свои двадцать восемь вообще выглядел рядом с ней до неприличия молодо.

Петр Кабанов – Петя, как его называла мать, полный, рыхлый, кудрявый, как купидон, парень, щеголял лиловыми синяками на лице. Следы «сказочной» драки – сразу решила про себя Катя. Одет в серую толстовку с капюшоном и потертые старые джинсы. Кроссовки тоже старые, замызганные, но дорогой фирмы.

Катя подумала – удивительно, как этот увалень мог настолько понравиться такой красавице, как Ульяна, что она ради него терпела даже побои и оскорбления от мужа. Но ее сомнения разрушил сам Петр Кабанов. Он положил Ульяне руку на плечо и спросил:

– В чем дело? Вы нам объясните наконец, что происходит?

– Обыск у вас проводим, – ответил Вилли Ригель.

– Вижу, что обыск, а не детский утренник, – ядовито отрезал Петр Кабанов. – Нас в чем-то обвиняют?

– Это будет зависеть от результатов обыска.

– Вы что, обвиняете нас в убийстве моего брата?

– Вы сами это только что сказали, – ввернул Гектор Борщов, задумчиво созерцавший и дом, и красавицу Ульяну, и взбешенного парня. – Но вы, конечно, никого не убивали и вообще ничего не знаете, – поспешно заключил он.

– Вы что, издеваться приехали? – Петр Кабанов отчего-то из всех выбрал именно молчавшую Катю и гневно обратился к ней. – Выбрали момент, называется! Вывернули дом наизнанку, когда брат еще даже не похоронен, а она... она в шоке!

– Кто она? Ваша мать или невестка? – спросил Вилли Ригель. – Слушайте, мы ведь не просто так к вам. Вы – последние, кто видел Алексея Кабанова живым.

– Почему мы последние? – хрипло спросила Ульяна.

– Ну как же? А скандал в «Сказке»? С рукоприкладством, с мордобитием? Драка. Вон у вашего Пети, – Вилли выделил имя Кабанова-младшего особо, – побои на лице. Подрались братья в ресторане. И кажется мне, что из-за вас, гражданка Кабанова. И вы там присутствовали – у нас свидетель так показывает. А до этого вы с мужем тоже скандалили, из дома ушли. Все одно к одному. И так логично. А потом вашего мужа убитым нашли.

– Мы уехали тогда из ресторана. А он остался, – ответила Ульяна. – Я не знаю, что потом произошло. Последним моего мужа видел живым его убийца.

– И куда же вы поехали из ресторана? Сюда?

– Нет. Конечно же, нет. Это его дом.

– А куда?

- К Пете. - Ульяна глянула на брата мужа. - Он тоже здесь дом снял. Ваши сотрудики у него сейчас ключи забрали.

- В чем причина ссоры в ресторане?

- Это не Петя начал.

- Как это не Петя, когда он вашему мужу дал пощечину? У нас свидетель есть.

- Они оба погорячились.

- В чем причина ссоры? - холодно повторил Вилли Ригель, обращаясь уже к Петру Кабанову. - Спрашиваю вас.

- Мы погорячились оба, - ответил Петя. - Сейчас я об этом глубоко сожалею.

- Так в чем причина? За что вы ударили брата по лицу, а он вас избил?

- Это не имеет никакого отношения к тому, что произошло с ним.

- К тому, что его убили?

- Мы и раньше с ним дрались, - ответил Петя. - С детства. Но не убивали же друг друга. Просто мы часто ссорились по разным поводам. И сейчас я... глубоко сожалею, скорблю.

- Узнав о его смерти, вы приехали не к матери, которая сейчас как никто нуждается в поддержке. А к вдове вашего брата.

- Вдова нуждается в поддержке больше.

- В тот вечер вы приехали на дачу... ту, что снимаете здесь неподалеку, бывшую дачу Меркадера, вместе с женой вашего брата. И что дальше?

- Я умылся в ванной. Ульяне тоже надо было успокоиться. Прийти в себя.

– И вы не покидали дачу?

– Мы провели ночь вместе, – ответила Ульяна.

Петя Кабанов при этом вспыхнул, как маков цвет, глянул на нее. Катя запомнила этот его взгляд.

– Ясно. – Вилли Ригель хмыкнул.

– Вы состоите в романтической связи? – с любопытством уточнил Гектор Борщов.

Эта «романтическая связь» прозвучала в его устах комично. Он опять изображал Фагота-Коровьева.

– Я на такие вопросы не отвечаю. Без комментариев, – отрезал Петя Кабанов.

– Благородно с вашей стороны. Или это попытка создать друг другу алиби? – усмехнулся Борщов.

– Нам алиби не нужно. Мы ни в чем не виноваты.

– Значит, как я понял, после «Сказки» ни вы, ни ваша невестка больше Алексея Кабанова не видели?

– Я же сказала вам, – Ульяна выступила вперед, словно защищая от них своего любовника. – Мы приехали на дачу. И провели там вместе ночь. Утром Пете позвонила Клара Порфирьевна. Сказала, что Лесик... его больше нет.

– Лесик вас бил, как показывает ваша домработница, – заметил Вилли Ригель. – Из-за него? – кивок в сторону Петра Кабанова.

– Нет. И вообще – мало ли что бывает между мужем и женой. Сейчас это уже не важно.

– Много чего бывает, – мрачно согласился Вилли Ригель. – И между любовниками тоже. И между женихом и невестой... Если это убийством не кончается.

– Я его не убивала. Петя тоже. И вообще, нашу беседу пора закончить. – Ульяна выпрямилась. – Если вы будете настаивать и дальше, придется позвонить нашему адвокату. И все вопросы – только в его присутствии.

– Ладно, без адвоката пока обойдемся, самый обычный вопрос. Петр, где ваша машина? – спросил Вилли Ригель.

– Ее у меня больше нет.

– Как это нет?

– Просто теперь у меня нет машины. Ликвидировал я ее.

– С позавчерашней ночи ликвидировали?

– Нет, майор. – Петя светло улыбнулся Вилли Ригелю. – Когда вы, майор, палаточный лагерь у свалки разгоняли со своей бравой командой, ваши коллеги мою машину дубинками разбили.

– А вы участвовали в несанкционированной акции в лагере, направленной против стройки, затеянной вашим братом? – с живейшим интересом осведомился Гектор Борщов.

– Нет, что вы, какие протесты? Я мимо на своей развалюхе проезжал. Гляжу, бегут два студента, а за ними ваши в броне, в шлемах. Студенты ко мне в машину нырнули – гони, говорят, не дай им нас задержать. Я не так воспитан, чтобы не помочь ближнему в беде. Особенно, когда полиция зверствует. Но мне, увы, не удалось. Ваши орлы налетели. «Стой! – орут – Такой-сякой, глуши мотор!». Пока этих бедолаг из салона выволакивали, стекла мне в машине разбили, капот разгрохали. Так что я свою развалюшку в утиль сдал. У меня квитанция есть. Можете проверить – там дата указана и пункт утилизации старых авто.

При упоминании «зверств полиции» Вилли Ригель превратился в самое чопорное и бесстрастное подобие молодого кайзера Вильгельма – выпрямил стан, выпятил раздвоенный подбородок. На щеках его, как и на памятном фото красавца-кайзера, разрисованном некогда Лизой Оболенской, рдел алый румянец.

- Мы изыдем квитанцию и приобщим ее к делу, - пообещал он ледяным тоном. - А вы...
- А я больше не скажу вам ни слова, майор. - Петя снова светло улыбнулся. - И я не только буду ждать нашего адвоката. Если вы и дальше продолжите наезжать на нас и третировать Ульяну, которая в глубоком горе сейчас, я возьму телефон и позвоню мамочке. Маме-прокурору. И пожалуюсь на вас ей.
- Не всегда можно спрятаться маме-прокурору под крыло, юноша, - назидательно изрек Гектор Борщов. - Судьба вашего старшего брата Лесика тому пример. А вы интересный молодой человек.
- Неужели?
- Очень интересный. Вы на жизнь себе чем зарабатываете?
- Я обеспечен, так же, как и вы.
- А вы в курсе?
- Слышал от брата. - Петя Кабанов улыбался уже Гектору Борщову.
- Но я-то работаю. На госслужбе пашу.
- А я бью баклуши. Мне папа наследство оставил.
- Ваш родной отец?
- Второй муж моей матери - Марк, он был моим единственным настоящим отцом. Другого я не знал.
- Надо же, - хмыкнул Гектор Борщов и пожал плечами.

Катя не поняла этого их диалога. Единственное, что стало ясно: Петя Кабанов знает про Гектора Борщова, кажется, больше, чем они с Вилли Ригелем.

Они вернулись к даче Меркадера, где оставили патрульную машину. И ждали еще где-то час, пока эксперты-криминалисты закончат осмотр обоих домов.

Результатов не было. Следов крови Лесика Кабанова нигде не обнаружили.

– Не на чем мне их пока задерживать, – констатировал Вилли Ригель. – Хотя немало улик против жены и братца, но главных доказательств мы так и не нашли.

У него зазвонил мобильный. Объявился патологоанатом с новостями судмедэкспертизы тела Кабанова.

– Причина смерти, как я и раньше сказал, закрытая черепно-мозговая травма. Причем уже самый первый удар оказался смертельным. Но ему нанесли еще четыре удара, уже когда он упал. Все удары большой силы, что прямо свидетельствует о ярости нападавшего. Удары по лицу в область носа носят посмертный характер. Хотя нет признаков того, что его хотели изуродовать до неузнаваемости, чтобы скрыть его личность. Кроме этих повреждений на теле обнаружены еще два шрама.

– Шрамы? – повторил Вилли Ригель.

– Старые, давно зажившие шрамы от порезов – на левом предплечье и на животе слева. Следов алкоголя в крови нет, он был трезв на момент смерти. На наркотики тоже тест отрицательный. Заключение я вам, Вальтер Оттович, по электронке пришлю позже обычным порядком.

Глава 10

Слезы

В машине на обратном пути из Малаховки в Староказарменск у Гектора Борщова то и дело призывно играл мобильный. Трезвонили дамы.

– Алло, Юленька, привет. Где-где, на работе, конечно... Ну, не начинай опять, моя птичка... Конечно, увидимся. Позже я перезвоню.

– Алло? Жанна? Почему это я скотина? Это моя коллега по работе была там... Жанночка, я все тебе потом объясню! Я на работе сейчас.

– Светик? Приветик! А то! Ты что любишь больше – «Стасика» или Большой? Большой престижнее. Нет проблем... Где-где, на работе, конечно, государева служба... да... да... нет... да! И я тебя... да... и я тебя...

Майор Вилли Ригель мрачно поглядывал на говоруна в зеркало. Катя занималась своим смартфоном, читала новости в интернете про убийство Алексея Кабанова.

Когда приехали, она осталась на улице, на стоянке отдела, и позвонила прокурору Кабановой. Та тоже была в курсе новостей в интернете об убийстве сына. Прокурор Кабанова рыдала.

– Читаю... что же они такое пишут в комментариях своих... «Мажора-помоечника прикончили!» «Помоечник на помойке» – это еще самые нейтральные, есть много хуже. Оскорбляют, издеваются... Никакой жалости, никакого сострадания! – Клара Порфирьевна давилась слезами. – Никакого милосердия... злоба, ненависть, злорадство... И за что? За что? За что они так его ненавидят даже после смерти? За что меня ненавидят? Опять в коментах – «откуда у прокурорши столько денег?» А он... Лесик, когда здесь закипало, хотел все уладить, договориться... Деньги пожертвовал – два детских садика отремонтировал... Местной театральной студии денег дал на «Ромео и Джульетту», чтобы ставили... А эти актеришки все поголовно на митинг высыпали, орали лозунги против завода... Что же народ наш такой бессердечный стал... Мне, матери, какво это читать про сына убитого...

Она все рыдала. Если вчера в официальной обстановке следственных действий она держалась, то сегодня у нее явно уже не было сил. Катя просила ее успокоиться. Но как можно убедить мать не оплакивать сына?

Когда она все же утихла немного, Катя сообщила ей про обыск.

– Обыск?! В его доме и у Пети? – Голос прокурора Кабановой мгновенно изменился, отчаяние уступило место металлу. – О! Я так и знала, что они

попытаются сразу спихнуть все это на нашу семью. А вы вчера не предупредили меня об обыске!

– Вы юрист, Клара Порфирьевна, вы прекрасно понимаете, что о таких делах никто никого не предупреждает.

– И что, они нашли хоть что-нибудь?

– Нет.

– И не найдут. Потому что нет ничего и быть не может. Это лишь попытка спихнуть все дело на нас – на моего младшего сына, на семью. Увести следствие в сторону. Кто был инициатором этого обыска, а? Кто, кроме этого немца Ригеля, туда ездил, в Малаховку? Ригелю это по должности полагается, допустим. Но кто еще ездил?

– Борщов.

– Конечно, как же без него. – Прокурор Кабанова теперь пребывала в бешенстве. – Вот уж умелец сплести нитки из разных клубков. Я вам еще тогда сказала – остерегайтесь его, он самый худший. Настоящий подонок. Он и подбросит что-то может туда, к нам в дом... улику... ох, я об этом только сейчас подумала!

– Ничего не подброшено. А Борщов...

– Он мог Лесика сам убить, – Кабанова понизила голос, – приказ получил, задание. Его вроде как отслеживать ситуацию в город направили – типа куратора от спецслужбы. Но все становилось только хуже. Протесты, митинги, этот палаточный лагерь, силовой разгон, общественность на дыбы поднялась. Протестующие сначала политики не касались в лозунгах, но это дело такое... сейчас все в политику упирается, даже экология. Эти протесты могли спровоцировать общую волну недовольства. И там это поняли... сами знаете где... Лесик мне говорил, ему несколько раз негласно намекали – мол, отступись. Но он был связан обязательствами перед инвесторами, он не мог. И вообще, с какой стати потворствовать каким-то нищebroдам, крикунам? Он отказался. И тогда... этот Борщов и мог получить приказ свести на нет саму причину недовольства – убрать Лесика. Эта сволочь... он же настоящий киллер!

- Клара Порфирьевна, он какой-то аналитик. 66-й отдел.

- Много вы понимаете! Аналитик! Это потому что сейчас ему на пятый десяток. Они все там аналитики к пенсии, чтоб они сгорели. Он раньше долгое время служил в элитном спецподразделении. Вы понимаете, кто эти люди? Они профи! У них ничего святого. Он мог Лесика убить! Лесик его опасался. Он мне не прямо об этом говорил, он намекал... просил совета... Он на него компромат собирал.

- На Борщова? Какой компромат?

- Я не знаю. Он мне не говорил. Но я узнаю. Я не буду сидеть сложа руки. И там еще что-то было с этим Борщовым. Связанное с деньгами, финансовые проблемы. Лесик психовал из-за этого.

- Клара Порфирьевна, обыск в доме Алексея и у вашего младшего сына Петра проводили потому, что стали известны некие важные для расследования факты - накануне вечером между вашими сыновьями произошла ссора с дракой в ресторане «Сказка». Петр рассказал вам, что был в ресторане, а про драку он сообщил?

- Нет. Какая еще драка?

Катя коротко поведала ей суть.

- Два молодых петуха. - Кабанова снова всхлипнула. - Катя, у них всегда были сложные отношения. Но они родные братья. Это кровные узы.

- И кровные узы трещат по швам, когда в дело вмешивается ревность, женщина. Ваша невестка Ульяна фактически призналась нам, что у нее с Петром роман. Сказала, что они провели вместе ночь на даче Меркадера в Малаховке. И когда мы приехали на обыск, Петр тоже был с ней. Он не к вам приехал в такой момент. А к Ульяне. Они опять провели вместе ночь. Они вели себя как любовники перед нами. Я сама это видела.

- Чушь все это! Какие любовники?

– О том, что у Ульяны, возможно, есть любовник, нам рассказала ее домработница. Так что вы сами видите. Это очень серьезная ситуация для вашего сына Пети.

– Я не знаю, что наплела вам домработница. Может, она и права, с Ульяны станется. У нее никаких моральных принципов нет и не было. Может, у нее и есть какой-то любовник. А насчет Пети вы ошибаетесь.

– Я своими глазами видела их там и...

– Петю женщины не интересуют. Совсем.

Пауза.

– Поясню, чтобы вы не строили домыслов, – продолжила Кабанова. – Его вообще эта сторона жизни – интимные отношения с кем-либо – не интересуют. Он полный, законченный асексуал. В нем всего этого вообще нет. Я не знаю, что они там вам оба наболтали вчера. Это все неправда.

– Даже асексуал может влюбиться, встретив ту, которая...

– Нет, нет. Вы не поняли. Это не Петин случай. Да, у них с Ульяной всегда были хорошие отношения, с тех пор как только она вошла в нашу семью. Теплые, дружеские. Но интим для Пети исключен... в силу особенностей его характера, натуры.

– Я не совсем понимаю вас.

– Я вам дам телефон Горбачевского – это очень известный врач, сексопатолог, он был другом моего покойного мужа. Он пытался Пете помочь, когда мы узнали, что... Мне же как матери не безразлично, будут у меня внуки или нет... Запишите телефон, позвоните ему сами, если мне не верите. Эти, из полиции, вся камарилья начнет версию насчет виновности Пети продавливать, «любовницу» в качестве мотива подсовывать, чтобы утопить истину. Пусть тогда доктор Горбачевский скажет свое слово. Есть медицинские документы, их можно поднять. Петя наблюдался у него несколько лет, Горбачевский пытался ему помочь. Выслушаете его и сами поймете – для Пети такая ситуация

абсурдна.

Катя записала телефон в блокноте, сунула его в сумку.

– У меня еще к вам вопрос, Клара Порфирьевна. После смерти вашего сына кому будет принадлежать компания и весь капитал? Это тоже веский мотив для убийства, вы понимаете. Так кто наследник всего? Ульяна или Петя?

– У Пети есть собственные деньги, ему отец оставил, мой второй муж. Хотелось бы мне, конечно, сказать вам – Ульяна корыстная хищница, да, она могла Лесика убить ради денег, но... Это было бы неправдой. Как только они решили пожениться, я настояла, чтобы Лесик составил брачный контракт и завещание. Все, что он имел, получаю я, его мать, и только я одна.

– Вы?

– Да. Я посчитала, что так будет лучше для нашей семьи. Все, что есть у меня, и так достанется Лесику и Пете. А Ульяна... Знаете, Лесик ее встретил в Сочи, она там пела и лабала на рояле в каком-то элитном кабаке, дважды в консерваторию питерскую пыталась поступить до этого. Но не вышло у нее с пением оперным. Остался кабак. Она Лесика сразу подцепила на крючок. Он влюбился в нее. Она, конечно, красивая баба, но... Я сделала все, чтобы в финансовом плане мы себя от всех ее притязаний в случае развода оградили. Повторяю, возможно, она и решила гульнуть на стороне, скандалила с Лесиком, но чтобы бросить его... развестись... Она же в таком случае все теряла. Деньги, статус. У нее даже квартиры своей в Москве нет. Опять в сочинский кабак? И дом в Малаховке ей не принадлежит, он мой теперь по завещанию. Я ее заставлю вскоре оттуда убраться.

– Так после смерти вашего сына Ульяна вообще ничего не получает?

– Ювелирку свою, машину, это Лесик ей подарил. Меха. Тряпки. А все остальное – недвижимость, капитал, бизнес – это мое. Ну, теперь подозревайте меня, мать, что это я убила любимого сына из-за денег.

– Спасибо, что ответили, Клара Порфирьевна. Это очень важная информация.

– Это правда. Я в этом деле – за полную правду.

– У меня к вам еще один вопрос. Про Борщова вы мне рассказали. Но здесь еще трое – Тимофей Кляпов, Эпштейн и Аристарх Бояринов, который объявил нам, что уволился из ФСБ. Кто они вообще такие? Вы их знаете?

– Это Лесик с ними связался на свою голову. – Кабанова вздохнула. – С ними будьте крайне осторожны. Кляпов – пиарщик, его нанимают за большие деньги. А так он владеет разными медиаканалами в интернете – «Царьградский Городовой», «Имперский вестник», «Союз Танка и Сохи» – посмотрите, почитайте в интернете. И поддерживает разные движения типа ОИП – «Ордена Истинных Патриотов», «Медведя Против» и «Грановитой Палаты».

– А Медведь против чего?

– Черт их там разберет. Консервативная имперская направленность. Я Лесика предупреждала – не стоит с ними связываться. Но ему позарез нужна была хоть какая-то поддержка в медиа, когда все СМИ на мусорный завод ополчились. И он обратился к этому Фиме Кляпову. А эти двое – Эпштейн и Бояринов – подручные Кляпова. Интернет-тролли они.

– Тролли?

– Чтоб и они все сгорели! – Прокурорша метала молнии. – У них ничего святого. И со всеми с ними тоже темные подозрительные истории. Но это вы должны сами выяснить. Я не знаю. Так узнайте вы. И держите меня всегда в курсе, – приказала Кабанова тоном, не терпящим возражений. – Вы обещали мне помочь. Вы дали слово. Так держите его!

Катя после разговора с ней хотела поделиться с Вилли Ригелем, услышанным по поводу наследства Кабанова, намеками прокурорши насчет Гектора Борщова и ее версией по поводу него. Однако, зайдя в кабинет, поняла, что момент неудачный.

Вилли стоял у стола и держал в руке прозрачный пластмассовый шарик, в который запаяли когда-то давно фотографию Лизы Оболенской. Четвертый или пятый класс... Рыжая девочка-школьница с насмешливым взглядом. Майор Вилли Ригель держал на ладони шарик, словно волшебный драгоценный Палантир.

Оглянулся на Катю, положил шар на стол. Среди бумаг, неподписанных документов, приказов «под роспись» – та самая фотка молодого кайзера Вилли. И сердце пылающее алое. И румянец на щеках – там, где у щеголя-бретера-кайзера усы.

– Съезжу сейчас в больницу к Анне Сергеевне, она все еще в реанимации, но меня обещали к ней пустить.

Катя поняла, что Вилли Ригель говорит о той старушке, подруге его матери, задержанной в палаточном лагере и схлопотавшей инфаркт после поездки в автозаке.

– Она непременно поправится, Вилли, – сказала Катя, хотя и сама не знала, правда ли это.

Глава 11

Хрустальный башмачок

Когда майор Вилли Ригель уехал в больницу, Катя решила воспользоваться моментом и кое-что прояснить для себя. Она отправилась в дежурную часть к Ухову. В отсутствие заявителей тот за пуленепробиваемым стеклом баловался кофейком. В дежурке приглушенно играл марш «Нормальные герои всегда идут в обход». Ухов скачивал «минусовку» из интернета в смартфон.

– Семен Семенович, вы и домой с суток не ушли, – посетовала Катя.

– Я сменщику объявил, что пока здесь останусь. Сам. А он пусть отгулы использует. Разве я могу нашего Сорок Бочек Арестантов в таком состоянии здесь одного бросить? Ничего, не сахарный, поработаю, часика два покемарю после обеда и нормально. Кофе хотите? Только сварил.

– Хочу. Спасибо. – Катя устроилась на стуле рядом с дежурным. – Семен Семенович, вы человек чрезвычайно наблюдательный и мудрый. Не могли бы вы

мне объяснить одну странную сцену?

И она кратко поведала дежурному, что видела вчера вечером у корявого памятника «первопроходчикам»: Тимофей Кляпов пытался вступить в разговор с местным гражданским лидером Гердой Засулич и выглядел при этом... невероятно, необычно как-то!

Ухов усмехнулся, выслушав, и налил Кате кофе из кофеварки.

– И вы заметили, Катя. Не скроешь уже, видно. Сначала мы здесь все это как хохму восприняли, как анекдот. Но... история-то прямо на роман тянет.

– Расскажите мне, Семен Семенович! Пожалуйста! – Катя испытывала редкое любопытство.

– Такие дела на небесах вершатся без нашего ведома, – изрек Ухов философски. – Хотим ли мы того, желаем ли – нас не спрашивают. Ставят перед фактом. Наши в отделе судачили – они раньше-то все судились между собой заочно. Иски друг против друга подавали.

– Кто? Кляпов и Герда Засулич?

– В Европе Грета – командир, а у нас Герда, – Ухов усмехнулся, – девица с характером. Ее в городе поддерживают, слушают. Она возглавляет городской Экологический комитет спасения, активистка-эколог. Против компании покойника Алексея Кабанова подавала иски во все суды – оспаривала разрешение на строительство. А юристом у нее в судах – невеста нашего майора Вилли Лиза Оболенская, но это вам и самой отлично известно. А Тимофей Кляпов – Фима, как они его тут за глаза зовут, и его подручные вели в интернете кампанию против этих исков. Троллили все это. А Герда в интервью журналистам и на троллей наехали, на Кляпова. А он с ней судиться стал – «честь и достоинство». Комедия, в общем. Но суды – судами, а лично-то они до этого не встречались. А тут вдруг встретились.

– Здесь? В Староказарменске?

– Натюрлих, как наш Сорок Бочек Арестантов выражается. – Дежурный Ухов опять усмехнулся. – Дело-то еще до разгона митинга было и до свадьбы злополучной. Вечером это случилось. Погода стояла славная. Я здесь, в отделе, за старшего оставался. Вилли в Главк вызвали, так что без него все это приключилось. А Фима Кляпов со своими троллями примерно за неделю до этих событий в городе объявился. Мелькал тут у нас в отделе. Наши сплетничали – его Алексей Кабанов пригласил. И вот сижу я, пью кофе, хотел футбол вполглаза в интернете глянуть... Звонков-то нет от заявителей. И вдруг нате вам, приезжают на двух машинах министерские из отдела по борьбе с экстремизмом. И вытаскивают из машины трех задержанных – Герду Засулич и двух старух с Еремеевских дач. В поселке на Еремеевских дачах собрался стихийный сход дачников. Они же ближе всех оказываются к стройплощадке завода. Дачные дома в трехстах метрах от этой коптильни. Вы представляете, что это такое для местных? Они депутата позвали, врачей, Герду Засулич пригласили. Шумели там, выступали, протестовали. Министерский отдел «Э» нас в известность не ставил, они сами туда явились. Герду сразу задержали. А с ней и двух старух с плакатами. Одна – вдова профессора университета семидесяти пяти лет, а второй было восемьдесят, у нее сын в МИДе работает. Примчался вызволять сразу. Ведут их от машины через двор эти из отдела министерского под белые руки. Я вышел навстречу – надо же оформлять задержание. Министерские, как хозяева полные, меня игнорируют. И вдруг...

Люди в штатском вели Герду Засулич, схватив под руки. Она шла спокойно. Одетая в джинсы и ветровку защитного цвета, она выглядела как студентка в своих модных очках, с подколотыми сзади густыми светлыми волосами. Миниатюрная женщина в окружении полицейских «шкафов». Внезапно к ней подскочил некто в камуфляже, в шнурованных ботинках – дюжий, проворный. На его лице – черная хлопковая балаклава.

– Ах, ты, сука! – выкрикнул он. – Получай! И это только начало! Запомнишь нас!

Он плеснул Герде Засулич зеленкой из пузырька прямо в лицо. Зеленка потекла по ее щекам, по подбородку. Видимо, обжигающая жидкость попала ей и в глаз, она вскрикнула. Державшие ее полицейские ослабили хватку – они не ожидали нападения. Герда вырвалась и ударила мужика в камуфляже по руке, стремясь выбить у него пузырек. А он двинул ей со всего размаха так, что она упала на асфальт. С ноги ее слетела кроссовка.

– Который с зеленкой, был из этих, проплаченных, – пояснил дежурный Ухов Кате. – Появились эти гниды здесь сразу, как только митинги пошли. Уж не знаю, кто их прислал. Но явно не Кабанов-покойник. Когда Вилли Ригель здесь, в отделе, эта пададь и близко не подходит, но, видно, прознали тогда, что нет его в городе. И напали на нее – прямо у нас на глазах. Внаглую! Я наших сразу из отдела кликнул, чтобы его задержали. Но он попятился и к машине, как заяц, метнулся. Ждали его свои у отдела. Не успели мы чухнуться, их и след простыл. Я патрульным по радиации передал приметы машины. Министерские опомнились, подняли Герду с земли, повели ее в отдел.

– Да что же это такое? – закричала задержанная старуха с плакатом. – Что же это за порядки у нас настали в государстве?!

– Хрустальный башмачок...

Дежурный Ухов недоуменно обернулся. Фразу произнес глубокий низкий баритон прямо над его ухом! Позади дежурного стоял Тимофей Кляпов. Элегантный, в летнем синем костюме с искрой. Золотые запонки. Дорогие ботинки. Он вперился взглядом в кроссовку Герды, оставшуюся на асфальте.

– Это какой же размер? Тридцать пятый, что ли... или меньше?

– Это обувь задержанной. – Ухова изумило выражение лица Кляпова.

– Вижу. – Кляпов подошел, нагнулся и поднял маленькую женскую кроссовку. Она была чуть больше его ладони.

– Хрустальный башмачок... Золушка... Герда. – Фима Кляпов застыл на месте с маленькой грязной кроссовкой в руках.

Дежурный Ухов смотрел во все глаза на этого странного типа. Кляпов проследовал мимо него, нес кроссовку.

Возле дежурной части на банкетке сидела Герда, закрыв залитое зеленкой лицо руками. Над ней причитали старухи-«экстремистки» с плакатами. Фима Кляпов подошел к ним, положил кроссовку на подоконник. Он не сводил взгляда с Герды Засулич. Она почувствовала этот взгляд и тоже посмотрела на него. Вся в

зеленке, с растрепанными волосами. Она терла маленькой ручкой глаз, который жгло.

- Бутылку минеральной сюда! Быстро! - хрипло приказал Кляпов.

Дежурный Ухов узрел, как выглянувший на шум из кабинета подручный Кляпова Аристарх Бояринов снова нырнул в кабинет и через мгновение появился с бутылкой воды в руках.

Кляпов извлек из кармана пиджака белоснежный платок с монограммой, смочил его водой из бутылки и протянул Герде Засулич.

- Не трите глаз, так только хуже. Надо промыть. Поднимите голову. Я осторожно.

От боли она, видно, плохо соображала в тот момент и не поняла, кто перед ней. Поэтому доверчиво запрокинула голову. А он бережно взял ее за подбородок и плеснул немного воды из бутылки ей на лицо, на глаз. Герда заморгала.

- Теперь приложите платок. Нужно в больницу ехать. Ее надо немедленно в больницу!

Он сказал это министерским, те заворчали, но дежурный Ухов уже позвонил по мобильному сотрудникам Староказарменского отдела. Не хотят эти везти, сами отвезем, пусть и под конвоем - для оказания первой неотложной помощи.

- Ваша кроссовка. - Кляпов, забрал с подоконника маленькую кроссовку. - Герда, это ваш хрустальный башмачок?

- Что? - Она смотрела на него. И внезапно поняла, кто перед ней!

- Позвольте, я вам сам надену. - Держа кроссовку в руках, элегантный, наголо бритый Носферату Фима Кляпов с кроссовкой в руках был готов опуститься перед Гердой на одно колено.

- Вы под кокаином, что ли? Под кайфом?! - гневно и зло воскликнула активистка Герда. - Не смейте меня трогать! Прочь руки! Вы что себе позволяете?

Она вырвала у него свою кроссовку, нагнулась, напяливая ее на свою миниатюрную золушкину ступню.

Фима Кляпов застыл перед ней, как статуя.

– Да что же это такое, Семен Семенович? – с великим любопытством спросила ошеломленная рассказом Катя. – Как, по-вашему, что это?

– А то, что он – фетишист, блин! – шепотом возвестил дежурный Ухов. – Так я это понимаю. Шарахнуло его, как молнией, там, у отдела, в момент единый – как увидел он ее и хрустальный башмачок. Для него ножка миниатюрная – это как сиськи... то есть грудь женская для обычного мужика. Великий магнит! Соблазн и объект желания. Он в нее сразу, с первого взгляда, втрескался по уши, как увидел ножку эту маленькую и личико в зеленке. Прямо эльф лесной, а не женщина из плоти и крови.

– Тимофей Кляпов влюбился в Герду Засулич? – Катя не верила своим ушам. – Но они политические противники, они не переваривали друг друга заочно, они судились – вы сами это сказали!

– Насмешка судьбы. – Ухов вздохнул. – С мужиками так бывает. Это как порох вспыхнул и взорвался. И пропал мужик. А то, что он старше ее на двадцать лет, это лишь масла в огонь подлило. Говорю вам, он в нее втрескался! И случилось это на наших глазах. Кого хотите из ребят спросите, кто там был – все вам подтвердят. А то, что они враждовали и судились – это уже было как знак! Притяжение их взаимное, только они еще оба об этом не знали. Но искры-то уже летели во все стороны. Я ж вам сказал, Катя, – такие дела сердечные на небесах вершатся. И порой без нашего согласия.

– Поверить не могу!

– Вы лучше слушайте, что дальше было. Повезли ее в поликлинику, глаз ей там промыли, обработали. А Кляпов сел в тачку свою шикарную и тоже куда-то отчалил. Вернулись они почти одновременно уже поздно вечером – Герда под конвоем, а он...

В свете фонарей, отпугивающих мрак летней благодатной ночи, наполненной стрекотом неведомо откуда взявшихся в Подмосковье цикад, сотрудники полиции вновь повели Герду к отделу. И в этот миг послышался гул мотора и у здания УВД на полной скорости резко затормозил «Лексус» Кляпова. Следом ехала еще одна машина – внедорожник, однако она остановилась чуть поодаль. Из нее вышли четверо крепких молодцев спортивного вида, двое из них были в камуфляже.

Фима Кляпов и не глянул в их сторону. Он вышел наружу, открыл дверь со стороны пассажирского сиденья.

– Выходи!

– Тимофей Николаевич, вы же сказали, что...

– Выходи быстро!

Из «Лексуса» нехотя вылез тот самый качок в камуфляже, с черной балаклавой на лице.

– Тимофей Николаевич, вы пообещали...

– Ты чего мне весь салон уделал? – громко спросил его Фима Кляпов, железной рукой хватая за грудки и разворачивая к машине, к лобовому стеклу. – Ты чулок-то свой вонючий с морды сними, ну? Сам снимешь или мне это сделать?

– Вы чего, а?! Вы что мне сказали... – Опешивший качок в камуфляже забился в его руках, как в тисках.

– Ты мне весь салон блевотиной уделал, пьяная морда! – гремел Фима Кляпов, сдирая с его головы балаклаву. – Ты мордой сейчас мне все тут своей и вытрешь!

Со всего размаха он шарахнул качка головой о лобовое стекло «Лексуса». Стекло пошло трещинами, а Кляпов, прижимая свою жертву лицом прямо к трещинам, начал возить его туда- сюда. Качок визжал от боли.

Полицейские, Герда, вышедший на крик дежурный Ухов наблюдали эту сцену.

– Он его покалечит! – тревожно крикнул некто в камуфляже, стоявший у машины, что приехала следом за «Лексусом».

– Кто? Кого? – недоуменно осведомился дежурный Ухов.

– Его! И на ваших глазах!

– Я не понимаю, о чем вы. – Ухов пожал плечами. – Да вы кто вообще такие? Ваши фамилии, граждане, паспортные данные, адреса? Вы что-то видите противоправное? Вы свидетели? Так надо все записать в протокол. Все ваши анкетные данные.

Четверо сразу же ретировались в машину, однако не уезжали.

– Где зеленка у тебя? – шипел Фима Кляпов, отрывая свою жертву от лобового стекла. – Где? В кармане? Сам достанешь? Ну?!

Лицо напавшего на Герду было теперь в кровавых ссадинах. Он пытался вырваться, хрипел.

– Доставай пузырь, мажь морду. Мажь зеленкой сейчас здесь! Надо обработать, а то схватишь еще сепсис, – шипел Фима Кляпов. – Мажь морду в зелень! Или могу повторить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) – немецкий философ, культуролог, поэт и переводчик, автор антологии «Народные песни».

2

Вольный перевод с нем. Вальтера Бухгольца.

3

Я тебя люблю (нем.).

4

Шлюха (нем.).

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-stepanova/poslednyaya-istina-poslednyaya-strast>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)